

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет

Дипломная работа
студентки 4 курса
отделения «Теоретическое и экспериментальное языкознание»
А. В. Харламовой

Аффрикаты в арумынской спонтанной речи (на материале говоров с. Кранея/Турья и г. Ресен)

Научный руководитель – д. ф. н., проф. А. Н. Соболев
Рецензент – д. ф. н., проф. Ю. К. Кузьменко

Оглавление

Введение.....	3
1. Фонетика спонтанной речи. Теория и типология аффрикат.....	5
Понятие спонтанной речи.....	5
Исследования спонтанной речи на материале русского языка	8
Аффрикаты в фонетическом аспекте.....	11
Понятие аффрикаты	11
Типология аффрикат.....	14
2. Арумынский язык и его ареал	17
История арумын и арумынского языка	17
Исследование арумынского языка и проблемы нормы	23
Аффрикаты в арумынском языке	29
Арумынский говор села Кранея/Турья.....	30
Арумынский говор города Ресен.....	32
3. Методика исследования.....	35
Полевая работа	35
Фонетический анализ	37
4. Результаты исследования	42
Инвентарь аффрикат.....	42
Выпадение или ослабление смычки	43
Аффрикация [t]	47
Итоги и перспективы эксперимента	48
Заключение	52
Список использованной литературы.....	54
Приложения	73

Введение

Настоящая работа посвящена изучению аффрикат в арумынской спонтанной речи, на материале говора села Кранея/Турья (Греция) с привлечением материала, собранного автором в городе Ресен (Македония). Целью исследования является установление инвентаря аффрикат, их акустических характеристик и происходящих при реализации их в речи процессов, влияющих на их развитие и на изменения в спонтанной речи арумын. Спонтанная речь избрана как материал для исследования в связи с практически полным отсутствием разработок на тему фонетики спонтанной речи балканских языков и конкретно арумынского языка – одного из языков распространённой на Балканах восточнороманской подгруппы.

К задачам относятся сбор и эксцерпция материала, проведение фонетического анализа имеющегося материала при помощи программ Sound Forge и Speech Analyzer, составление списка лексем говоров Турьи и Ресена, содержащих или долженствующих содержать аффрикаты в различных позициях, а также постановка вопроса о влиянии фонетики других языков (греческого, македонского, албанского) на инвентарь аффрикат в арумынском.

Спонтанная речь как отдельная область исследований относительно недавно стала привлекать внимание фонетистов – до этого устная речь изучалась преимущественно на материале начитанных в лабораторных условиях текстов. Однако было экспериментально доказано, что чтение вслух и спонтанная устная речь обладают рядом существенных различий, поэтому их неправомерно отождествлять. Современное программное обеспечение позволяет всесторонне изучать фонетику спонтанной речи, но, тем не менее, эта область ещё исследована очень мало, причём, как правило, объектом исследования становятся европейские языки с большим числом носителей – прежде всего английский, немецкий, русский, французский, а также нидерландский.

Арумынский язык и его носители давно представляют интерес для балканистики – так, проводятся различные исследования арумынского языка с социалингвистической точки зрения. Но арумынские фонология и фонетика практически не изучены – в частности, фонетические исследования на материале арумынской спонтанной речи, насколько нам известно, не проводились. В связи с отсутствием научной литературы по этому вопросу мы в нашей работе вынуждены опираться на данные, полученные на материале русского языка и иных языков Европы.

Методы исследования фонетики спонтанной речи, разработанные к настоящему моменту, вне всякого сомнения, могут быть применены при анализе не только арумынского, но и других балканских языков. Их использование в балканистике может приблизить нас к решению многих проблем романской и балканской фонологии и фонетики.

Мы хотели бы выразить благодарность А. Л. Макаровой – за неоценимую помощь в поиске информантов и организации полевой работы, С. Нисой, Б. Джозефу, Г. Лушютцки и М. Невачь – за помощь в подборе научной литературы по темам арумынской фонологии и аффрикат в балканских языках.

1. Фонетика спонтанной речи. Теория и типология аффрикат

Понятие спонтанной речи

Фонетика в первой половине XX в. стала определяться как направление, изучающее звуки речевого акта, а не абстрактные единицы языка (фонемы). Определение понятий речи и речевого акта мы находим в классическом труде [Трубецкой 2000 (1938)]:

Каждый раз, когда один человек говорит что-либо другому, мы имеем дело с *речевым актом*, или *речью*. Речь всегда конкретна, она приурочена к определённом месту и к определённому времени. Она предполагает наличие говорящего («отправителя»), слушателя («получателя») и предмета, о котором идёт речь. Все эти три элемента ... меняются от одного речевого акта к другому. Но речевой акт предполагает наличие ещё одного момента: чтобы слушатель понимал собеседника ... Наличие в сознании каждого члена языковой общности единого языка является предпосылкой любого речевого акта [Трубецкой 2000 (1938): 9; курсив автора].

Трубецкой писал о необходимости «иметь вместо одной две “науки о звуках”, из которых одна ориентировалась бы на речь, а другая – на язык» [Трубецкой 2000 (1938): 11]. Ср. также у Л. Р. Зиндера:

Таким образом, *предметом фонетики* следует признать звуковые средства языка во всех их проявлениях и функциях, а также связь между звуковой стороной языка и письмом. (Говоря о звуковых средствах языка, в частности о звуках, обычно имеют в виду не только самые звуки, но и способы их образования, т. е. не только акустическую, но и артикуляционную сторону) [Зиндер 2007 (1960): 11; курсив автора].

Среди фонетистов общепринято положение о том, что устная речь делится на три типа (в англоязычной традиции – три «стиля говорения», *speaking styles*):

чтение вслух, подготовленная речь и спонтанная речь [Gut 2009: 107; Венцов и др. 2011: 27].

Образцы устной речи, на материале которых основывались фонетические исследования, в течение долгого времени включали в себя в основном тексты, начитанные выбранными исследователем дикторами в лабораторных условиях – считалось, что характер артикуляторной деятельности речевого аппарата в неподготовленном монологе и в прочитанном тексте одинаков¹ [Слепокурова 2013: 55]. Как утверждается в работе [Венцов и др. 2011: 27], только в последние годы был поставлен вопрос о сходствах и различиях в фонетике спонтанной и прочитанной речи. Существуют две теории: первая (которой придерживаются, например, П. А. Скребин, Н. Б. Вольская, В. В. Евдокимова) заключается в том, что это разные виды устной речи, вторая (среди приверженцев которой Н. В. Богданова, Е. М. Сапунова) утверждает, что неподготовленное чтение можно считать одним из видов спонтанного монолога; кроме того, Е. М. Сапунова предполагает, что разницы между чтением текста с подготовкой и без подготовки нет.

Мы придерживаемся первой точки зрения, поскольку полагаем, что различия между особенностями фонетики спонтанной и прочитанной речи были неоднократно доказаны экспериментально. Например, результаты проведённых Н. А. Слепокуровой экспериментов «дают основание предполагать, что каждый из исследуемых типов текстов функционирует по своим собственным правилам: спонтанная речь порождается в соответствии с течением мысли и её линейная развёртка основывается прежде всего на необходимости практически

---

¹ Мнения о важности фонетики спонтанной речи, однако, высказывались уже на ранних этапах развития фонетики и фонологии, хотя и не в виде какой-то оформленной концепции. Так, например, Н. С. Трубецкой в письме Р. О. Jakobsonу, говоря об особенностях ударения в венгерском языке, приводит в качестве примера речь пассажиров венгерского поезда, к которой он прислушивался, так как регулярно ездил этим поездом: «при *взволнованной речи* это музыкальное различие [между ударным и безударными слогами] ещё увеличивается» [Трубецкой 2004 (1923): 48; курсив наш – А. Х.].

одновременного обдумывания и “озвучивания” информации ... причем названные процессы, по-видимому, не являются строго синхронизированными, что и является одной из возможных причин паузально-синтаксических «сбоев». При чтении ... речевая стратегия ... изменяется и основой просодического декодирования письменного текста становится семантико-синтаксическое квантование разной степени дробности» [Слепокурова 2013: 59–60].

Более того, к примеру, Л. В. Бондарко утверждала, что фонетический облик прочитанной речи «навязывается зрительным образом текста» [Бондарко 2006: 42] и соответственно является неестественным.

В соответствии с этим, в данной работе под термином «спонтанная речь» будет подразумеваться неподготовленная речь, не являющаяся чтением текста или повторением его наизусть. Эксперименты, лежащие в основе нашего исследования, были проведены с опорой именно на это определение.

Следует заметить, что в современной языковой коммуникации, с распространением SMS- и интернет-общения, возможно, возникает необходимость разграничивать письменную и устную спонтанную речь (см., к примеру, о письменной спонтанной речи недавно опубликованную статью [Кузьмина 2016]). В нашей работе, говоря о спонтанной речи, мы будем понимать под ней речь устную.

Исследования спонтанной речи на данный момент проводятся на материале небольшого количества языков, и в первую очередь это английский (см., например, [Ward 1989]), русский (см., например, [Венцов, Слепокурова 2010]), немецкий (см., например, [Kohler 1996]) и др. европейские языки с большим числом носителей. Подробных данных о фонетике спонтанной речи на материале балканских языков ещё не собрано, и в связи с этим в нашем исследовании мы будем отталкиваться от теоретических моделей и результатов, полученных на материале русской спонтанной речи, так как она относительно хорошо изучена, и данные о ней нам наиболее доступны.

Прежде всего обратимся к истории изучения спонтанной речи, прежде всего, русской.

Исследования спонтанной речи на материале русского языка

О необходимости сформировать направление, которое бы занималось изучением акустического и артикуляторного аспектов произношения, шла речь ещё в XIX в. Так, например, Эдуард Зиверс, который считается «одним из основоположников современной фонетики» [Зиндер 1969: 110], говорит о «физиологии звуков» (нем. *Lautphysiologie*):

Итак, физиология звуков – пограничная область между *физикой*, в той мере, в какой она занимается чисто акустическим анализом отдельных звуков, *физиологией*, в той мере, в какой она занимается исследованием функций органов, ответственных за порождение и восприятие звуков языка, наконец, *лингвистикой*, в той мере, в какой она даёт необходимые объяснения природе одного из важнейших предметов последней и в то же время, таким образом, предоставляет средство для понимания установленных при помощи сравнительной фонетики законов беспрестанно продолжающегося изменения звуков² [Sievers 1876: 1; курсив автора, перевод наш – А. Х.].

---

² Somit bildet die Lautphysiologie ein Grenzgebiet zwischen der *Physik*, insofern sie sich mit der rein akustischen Analyse der einzelnen Laute beschäftigt, der *Physiologie*, insofern sie die Functionen der zur Erzeugung und Wahrnehmung der Sprachlaute thätigen Organe erforscht, endlich der *Sprachwissenschaft*, insofern sie über der Natur eines der wichtigsten Objecte derselben die nöthigen Aufschlüsse ertheilt und damit zugleich ein Mittel zum Verständniss der durch die vergleichende Lautlehre ermittelten Gesetze für den fortwährenden Wandel der Sprachlaute an die Hand gibt [сохранена орфография источника].

К XX в. развитие звукозаписывающих технологий повлекло за собой и активное развитие инструментальной фонетики. В первое время этой дисциплиной часто занимались эксперты в области физиологии и медицины, соответственно, проводившие свои исследования в отрыве от собственно лингвистики [Щерба 1958: 165; Зиндер 1969: 109]. Как обобщил Л. Р. Зиндер, в конце концов, «такая “автономная” экспериментальная фонетика должна была зайти в тупик», так как одна из важнейших операций в фонетике – сегментация звукового потока на языковые единицы – проводится на основе исключительно лингвистических критериев [Зиндер 1969: 109–111].

На материале русского языка было написано много работ по инструментальной фонетике и связанных с ней дисциплинам: в фундаментальном труде Г. Фанта «Акустическая теория речеобразования» использовались данные, полученные от русскоязычного диктора [Фант 1964: 99], изучение акустического аспекта русской речи стало одним из направлений работы открытого в 1953 г. Акустического института РАН (см., к примеру, [Бухтилов и др. 1970; Григорян 1970]), проблемы автоматического распознавания русской речи были рассмотрены с точки зрения кибернетики и информационных технологий, к примеру, в [Галунов, Слепокурова 1966; Трунин-Донской, Цемель 1968; Винцюк 1987], проводилось сравнение фонетики русской спонтанной речи с материалами других языков, например, финского [Leinonen 1985].

Прикладные лингвистические исследования в области инструментальной фонетики в течение XX в., в частности, в СССР активно проводились с целью решения двух взаимосвязанных проблем – проблемы автоматического распознавания речи и проблемы обучения иноязычной фонетике [Бондарко, Вербицкая 1983: 138]. Так, в ходе разработки автоматического анализа и синтеза речи был выявлен ряд перспективных направлений изучения акустического и артикуляторного аспектов фонетики: «выявление разных уровней в звуковом

строе – от универсального, присущего любому человеку, владеющему членораздельной речью, до специфического, определяемого звуковой системой родного языка; дифференцированный подход к сенсорным и моторным аспектам реализации звуковых единиц в разных языковых ситуациях – звук, слог, слово, фраза; наблюдения над особенностями реализации звуковой системы русского языка в различных “национальных исполнениях”» [Бондарко, Вербицкая 1983: 139–145]. Кроме того, в работах, ставящих целью привнесение вклада в разработку программ для автоматического распознавания речи, фактически проводились эксперименты на восприятие речи людьми – см., например, [Вербицкая, Зиндер 1969].

На основе проведённых исследований были сделаны многие революционные в то время заключения: «оказалось, что лингвистически значимые признаки сегментных звуковых единиц имеют более сложные артикуляционно-акустические корреляты, чем это считалось раньше; оказалось, что распределение артикуляционно-акустических свойств речевого потока не совпадает с распределением лингвистически значимых признаков» [Бондарко 1973: 256–257].

Однако долгое время все эти исследования проводились на материале речи, произносимой (часто зачитываемой) специально подобранными дикторами в лабораторных условиях. Это относилось даже к тем работам, где проблемой являлось влияние темпа речи на качество звуков (например, [Зиндер 1964]). Спонтанная речь стала активно использоваться как материал для инструментально-фонетических работ лишь в течение последних десятилетий. Кроме того, она является важным объектом изучения и в смежных дисциплинах, в частности, в психолингвистике – поэтому многие результаты исследований спонтанной речи публикуются в таких изданиях, как «Проблемы порождения и восприятия речи» (к примеру, [Слепокурова 2013]), «Проблемы социо- и психолингвистики» (например, [Апушкина 2011]) и т. д.

В настоящее время основными направлениями исследований, проводимых на материале русского языка, являются дальнейшее изучение сегментации и супraseгментных явлений спонтанной речи (см. [Горлова, Слепокурова 2012; Нигматулина 2012], из работ на других языках – [Odé 1989]), создание и разработка фонетически аннотированных корпусов звучащей речи и частотных словарей словоформ русского языка (см. [Венцов, Грудева 2008; Венцов, Слепокурова 2012]), исследование процессов порождения и восприятия текста (см. [Раева, Риехакайнен 2013]), а также проблемы ментального лексикона с использованием материалов спонтанной речи (см., например, одну из наиболее полных монографий по данному вопросу – [Венцов, Касевич 1994]).

Акустические и артикуляторные характеристики звуков русской речи в настоящее время описаны достаточно хорошо – об этом говорится ещё в [Бондарко, Вербицкая 1983: 142]. Подобное описание стало возможным прежде всего благодаря таким приборам, как спектрограф и осциллограф, а в дальнейшем – заменившим их компьютерным программам (см. далее раздел «Фонетический анализ»).

В нашей работе затрагиваются вопросы сегментации спонтанной речи: на примере аффрикат обсуждаются проблемы того, что есть отдельный звук речи и как отграничить звуки друг от друга.

Аффрикаты в фонетическом аспекте

Понятие аффрикаты

Аффриката (от лат. *affricata* – ‘притёртая’ [Кузнецов 1998]) – на первый взгляд, однозначный термин, относительно семантики которого нет разногласий в различных лингвистических школах. Так, в [Berns 2014] приводится следующее толкование: аффрикаты – фонетически сложные звуки, состоящие из двух последовательных фаз (объяснения понятию «сложные звуки» в тексте не даётся,

однако всё исследование [Berns 2014] опирается, помимо прочего, на [Weijer 1996], где сложными называются консонанты со вторичной артикуляцией [Weijer 1996: 53]). Как и в случае с простыми взрывными³, артикуляция аффрикаты начинается с полного перекрытия потока воздуха в ротовой полости. В противоположность простым взрывным, полное перекрытие переходит в узкую щель, что в результате даёт смычку, за которой следует фриктивный шум [Berns 2014: 369].

Основная черта аффрикат состоит в том, что первая часть их артикуляции представляет собой смычку, вторая же – гоморганный щелевой⁴. На этом сходятся авторы самых разных работ: [Кузьменко 1970б: 114; Ковалёва 1987: 122; Weijer 1996: 53; Berns 2014: 369] и пр. В связи с подобной двойственной природой аффрикаты всегда представляли интерес и для фонологов, и для фонетистов.

Несмотря на то, что определение самого явления, казалось бы, не представляет трудностей, до сих пор нет единого мнения об артикуляционной природе аффрикат. Не вполне ясно, считать ли их «сложными звуками» (и если да, что всё же понимать под этим термином) или сочетаниями двух звуков [Кузьменко 1970б: 114]. Ещё в XIX в. аффрикаты понимались как двойные звуки, состоящие из смычного и щелевого, или же как модификации смычных и/или щелевых, и мнение о том, что это единые звуки, до сих пор не стало общепринятым [Buttler 1964: 263; Berns 2014: 370; Berns 2016: 142]. В этом смысле фонологический аспект проблемы менее сложен: «фонема, реализующаяся как аффрицированный согласный, является фонологической

---

³ В настоящей работе считаются синонимичными следующие термины: взрывной – смычный – обструэнт; щелевой – фриктивный – спирант. Смычно-проходные (= плавные и дрожащие) и смычно-щелевые (= аффрикаты) в понятие «смычный» не входят. Данное решение принималось с опорой на [Розенталь, Теленкова 1976; Ахманова 1966; Ярцева 1990].

⁴ С точки зрения акустики понятие аффрикаты не истолковывают: во-первых, это связано с тем, что основное отличие аффрикат от смычных и щелевых традиционно помещается в область артикуляции, во-вторых, с тем, что акустически, например, смычные звуки также представляют собой сложные единицы, согласно обобщённым в [Ковалёва 1985: 127] положениям теории аффрикат Л. В. Щербы.

аффрикатой только в том случае, если она имеет и смычный, и щелевой корреляты» [Кузьменко 1969: 45].

Список основных фонологических теорий, касающихся аффрикат (в хронологическом порядке, начиная с теории Якобсона), приводится в [Berns 2014: 370]. В нём можно выделить следующие группы – теории об аффрикатах как об отдельной разновидности смычных (или же, как вариант, аллофонах каких-либо смычных, присутствующих в фонологической системе языка), теории об аффрикатах как о комбинации смычных и щелевых и теории об аффрикатах как о линейной последовательности смычной и щелевой фазы.

Есть предположение, что, хотя по фонологическим критериям аффрикаты могут считаться только простыми фонемами, их природу в фонетическом аспекте определить нельзя вообще [Kázmér 1961: 404].

Тем не менее, для удобства представления результатов нашего исследования в данной работе мы будем придерживаться мнения, что аффриката – сложный согласный звук, который состоит из взрывной и фрикативной фаз.

Для различных видов звуковых изменений, затрагивающих вариации артикуляции согласных и связанных с аффрикатами, Г. Лушютцки были предложены следующие термины [Luschützky 1992: 8]:

- смычный → аффриката – аффрикация (Affrizierung);
- фрикативный → аффриката – акклюдация (Akkludierung);
- аффриката → смычный – дезаффрикация (Desaffrizierung);
- аффриката → фрикативный – дезакклюдация (Desakkludierung).

На наш взгляд, большая часть этих терминов является громоздкой для русскоязычного текста и, кроме того, неизвестна в отечественной научной традиции, поэтому из перечисленных Лушютцки мы будем использовать только понятие аффрикации. Прочие термины будут заменяться синонимичными словосочетаниями (например, дезакклюдация = выпадение смычки).

Типология аффрикат

В работе Дж. Бернс [Berns 2014], посвящённой типологии аффрикат, статистические подсчёты велись по базе данных UPSID⁵, в которой представлена выборка из 451 языка. Согласно данным из этой выборки, в фонологической системе 66,96 % языков присутствует хотя бы одна аффриката [Berns 2014: 372]. Причём наличествующие в системе аффрикаты необязательно имеют соответствия среди фрикативных того же языка [Berns 2014: 389–392] (ср. уже упоминавшееся выше иное мнение Ю. К. Кузьменко по этому поводу [Кузьменко 1969: 45]).

В той же работе приведена статистика аффрикат по языкам, в фонологии которых они присутствуют (см. таблицу 1 по [Berns 2014: 382]):

Таблица 1. Наиболее частотные аффрикаты

Ранг	Аффриката	Количество языков с аффрикатой	Процент в UPSID
1	tʃ	188	62,25%
2	ts	123	40,73%
3	dʒ	113	37,41%
4	dz	54	17,88%
5	ts'	52	17,22%
6	tʃ ^h	51	16,89%
7	ts ^h	50	16,56%
8	tʃ'	44	14,57%
9	tɬ'	20	6,62%
10	tɬ'	16	5,30%

---

⁵ University of California, Los Angeles, Phonological Segment Inventory Database, база данных инвентарей фонологических сегментов Калифорнийского университета Лос-Анджелеса.

Кроме того, дана статистика наличия глухих и звонких аффрикат в языках (см. таблицу 2 по [Berns 2014: 383]):

Таблица 2. Распространение в языках звонких и глухих аффрикат

Аффрикаты (по месту образования)	Только звонкие	Только глухие	Глухие и звонкие	Общее число языков
Лабиодентальные	2	3	1	6
Дентальные/альвеолярные сibilанты	6	92	51	149
Альвеопалатальные	0	5	2	7
Палатальные(не сibilанты)	0	4	8	12
Велярные	0	4	0	4
Дентальные/альвеолярные (не сibilанты, не латеральные)	0	4	1	5
Латеральные	0	16	8	24
Палатоальвеолярные	13	102	107	222
Ретрофлексные	0	16	5	21
Увулярные	0	5	0	5

Как возможную причину такой асимметрии в сторону глухих аффрикат автор статьи приводит теорию о том, что звонкие аффрикаты реже возникают в фонологических системах в связи с особенностями артикуляции [Berns 2014: 383]. К тому же выводу приходят и авторы работы [Żygis et al. 2012], посвящённой анализу распространения в языках глухих и звонких аффрикат-сibilантов: глухие смычные с большей вероятностью аффрицируются, звонкие аффрикаты, напротив, с большей вероятностью теряют смычку [Żygis et al. 2012: 1]. Отмечалось и то, что носители языка лучше различают глухие аффрикаты, чем звонкие [Carrera-Sabaté 2009: 77].

Сама по себе артикуляция аффрикат считается очень нестабильной, и между разными её случаями часто наблюдаются сильные различия. Как показывают опыты, подобная нерегулярность «размыкания» смычки перед фрикативной фазой вызвана в основном сцеплением, вызванным слюной [Buttler 1964: 267–273].

2. Арумынский язык и его ареал

История арумын и арумынского языка

Арумыны – романский народ, проживающий в Греции, Албании, Румынии, Македонии, Болгарии и Сербии. Их точная численность неизвестна – по причине, во-первых, того, что статус национального меньшинства они имеют только в Македонии, во-вторых, того, что они сами, как правило, идентифицируют себя как представителей титульной нации страны, в которой проживают [Nedelkov 2009: 247].

Этноним «арумын» восходит через французское и румынское посредство к самоназванию этого народа *ar(u)mân* (в свою очередь, происходящее от лат. *romanus*) [Черняк 1990: 192]. В научную литературу термин «арумын» был введён Густавом Вейгандом в его двухтомнике «Арумыны» (нем. «Die Aromunen»; [Weigand 1895; Weigand 1894]).

Другим распространённым названием арумын является имеющий несколько значений термин «влах». Считается, что он восходит к древнегерманскому **walhaz*, первоначально имевшему семантику «чужеземец, незнакомец» [Черняк 1990: 192] и, в свою очередь, заимствованному из кельтских языков как этноним проживавшего в районе современного Шварцвальда кельтского племени вольков [Miklosich 1861: 2; Сухачёв 1990б: 143]. Слова с этим корнем в европейских языках стали обозначать, как правило, носителей кельтских и романских языков или то, что с ними было связано: др.-верх.-нем. *walh* – ‘романец/носитель романского языка’, нем. *Walchsee* – название озера, рядом с которым проживали романцы, англ. *walnut* – ‘грецкий орех’, букв. изначально ‘французский орех’ [Schrijver 2014: 20]. В Раннем Средневековье (по другим теориям – не ранее середины IX в. [Черняк 1990: 192]) корень был заимствован в языки славян Восточной Европы. В греческий язык он перешёл из языков, согласно различным точкам зрения, либо балканских славян, либо

германских наёмников византийского императора. Есть и паранаучные, однако, не получившие широкого распространения, мнения касательно происхождения термина «влах», например, этимология, возводящая его к греч. *βλήχωμαι* (совр. *βελάζω*) – ‘блеять’ [Nedelkov 2009: 225].

На Балканах арумыны были основной из этнических групп, населявших горы и занимавшихся отгонным скотоводством (т. е. включающим в себя перегон скота с летних пастбищ на зимние и обратно). Поэтому приблизительно с XI в. обозначение «влах» также стало синонимом понятию «пастух». Позже термин приобрёл пренебрежительный смысл: турецкие завоеватели называли влахами православных сербов, хорваты-католики – всё православное население [Nedelkov 2009: 225].

С XIII в. в памятниках из Далмации встречается этноним «мавровлахи», также использовавшийся для именованья арумын [Nedelkov 2009: 229]. Когда в XIV в. начала формироваться дакорумынская государственность, арумын, чтобы отличать их от дакорумын, стали называть «хромые [т. е. плохие, неправильные] влахи» или «куцовлахи» (греч. *κουτσοβλάχοι*). Это прозвище сохранилось до наших дней, в частности, в греческом языке [Черняк 1990: 192]. В XIX в. М. Бояджи был создан использующийся иногда и в настоящее время термин «македоновлашский (македонорумынский) язык» [Черняк 1990: 193; Μποϊατζής 1813; Weigand 1895; Weigand 1894].

Существуют и другие слова для обозначения арумын в балканских языках, как прозвища с уничижительным значением (например, *цинцари*, от арум. *çinçi* – ‘пять’, в сербском), так и просто названия различных групп арумын в зависимости от места их проживания (например, *фаршероты* – арумыны из с. Фрашер, Албания) [Nedelkov 2009: 229].

Многие вопросы этногенеза арумын до сих пор не решены. Общепринятой является точка зрения, что начало «общерумынскому» языку, из которого затем развились современные дакорумынский, арумынский, мегленорумынский и

исторорумынский, было положено в период римской интервенции в Дакию [Сухачёв 1990а: 131] – историческую область на севере Балканского полуострова, границы которой традиционно проводились по Тисе, Дунаю, Днестру и Карпатам. С I в. до н. э. Дакийское царство стало вступать в многочисленные торговые отношения с Римом, а в 105–107 гг., в результате Второго дакийского похода Траяна, немалая его часть стала римской провинцией [Koritar 1945 (1829): 248] (см. карту по [Droysen 1886: 16] на рис. 1).

Рис. 1. Римская провинция Дакия до эвакуации (граница отмечена оранжевым)

В 118 г. провинцию разделили на Верхнюю (большая часть современной Трансильвании) и Нижнюю Дакию (юго-западная Трансильвания и Олтения). Затем в 123 г. север Верхней Дакии был отделён как Дакия Поролисса, а в 168–169 гг. провинция вновь была реорганизована, на этот раз как Три Дакии – Поролисса, Апулийская и Малвенса. К тому времени там размещалось около 40

тыс. римских солдат, не считая войск, набиравшихся из местного населения. Кроме того, происходила активная миграция в Дакию из других областей, в частности, иллирийских, таких, как Норик и Паннония. Однако в III в. с ослаблением Римской империи провинция стала подвергаться нападениям со стороны вестготов, сарматов, свободных даков, карпов и др. соседних племён. В связи с этим в правление Аврелиана было принято решение об эвакуации из Дакии войск и администрации за Дунай (см. карту по [Stier 1956: 42] на рис. 2). Таким образом, в 271 г. к югу от Дуная была сформирована новая провинция, Аврелианова Дакия [Сухачёв 1990а: 136].

Рис. 2. Римские провинции на Балканах после эвакуации Дакии (прежняя территория Дакии заштрихована)

Эта эвакуация, хотя и не была полной, привела к появлению к югу от Дуная большого количества романоязычного населения. К северу от Дуная, на территории современной Румынии, также осталась компактная романская

диаспора. Подобное разделение способствовало возникновению противоречивых гипотез о территории формирования восточнороманских этносов и языков⁶ [Сухачёв 1990а: 138; Лухт, Нарумов 2001: 574].

Кроме того, при рассмотрении вопроса о происхождении арумынского языка мы сталкиваемся с проблемой его статуса как языка или диалекта. Гипотезы, в основе которых лежит тезис об арумынском как диалекте дакорумынского (или развившемся из такого диалекта), утверждают о происхождении арумынского из «общерумынского» языка к северу от Дуная, в то время как те, чьи приверженцы считают арумынский отдельным языком, помещают его в т. н. «южнодунайскую» группу (вместе с близкородственными мегленорумынским и истрорумынским) [Нарумов 2001а: 636–637].

Вероятно, на раннем этапе развития восточнороманских языков из народной латыни имели место контакты с неким палеобалканским языковым субстратом, что привело к возникновению многочисленных параллелей между восточнороманской группой и албанским языком (как считается, развившимся из одного из палеобалканских) [Десницкая 1987: 35]. Кроме того, с приходом славян на Балканы (V–VII вв.) началось активное взаимодействие со славянскими языками, продолжающееся до сих пор [Десницкая 1987: 31].

Распад общерумынского языка проходил приблизительно с VII–VIII вв. по XII в. [Lindenbauer 2006: 339; Ernst et al. 2006: 2633]; южнодунайская группа, по принятой в романистике точке зрения, отделилась примерно к концу I тысячелетия [Лухт, Нарумов 2001: 574]. Первое упоминание арумын в византийских хрониках датируется 976 г.⁷ По свидетельству Анны Комнины,

---

⁶ Под восточнороманскими языками в настоящей работе понимаются (дако)румынский, арумынский, мегленорумынский и истрорумынский. Следует, однако, оговориться, что некоторые классификации, например, та, что приведена в базе Glottolog.org, включают в восточнороманскую группу диалект г. Кастельмедзано (Италия), а вышеперечисленные четыре языка объединяют в «макрорумынскую» подгруппу.

⁷ Есть предположение, что под «лахмиенсами» (Lachmienses), о которых упоминалось в период правления Юстиниана I (527–565), подразумеваются именно арумыны [Nedelkov 2009: 233].

влахи, наряду с болгарами, в 1091 г. входили в число армии союзников печенегов [Nedelkov 2009: 233]. В документах X–XIII вв. Описываются их вассальные государственные образования под контролем Византии. Помимо отгонного скотоводства, арумыны в Средневековье занимались торговлей, сопровождением караванов, ювелирным делом, играя важную роль в балканской экономике [Нарумов 2001а: 638].

Влахи упоминаются также и в документах других государств. Так, в начале X века они указаны как жители приходов Охридской архиепископии [Nedelkov 2009: 233].

Время османского владычества на Балканах было благоприятным для арумын. На них была возложена обязанность охранять горные проходы, кроме того, они параллельно с пастушеством продолжали заниматься торговлей и ремёслами. В первой половине XVIII в. культурным центром арумын был г. Воскопоя (или Москополе) в Албании, насчитывавший до 20 тыс. жителей. Там находилась т. н. Новая Академия арумын, имелась типография [Черняк 1990: 201]. Следует, однако, отметить, что там не проводилось политики в поддержку арумынского языка – напротив, языком и образования, и книгопечатания был греческий; в Новой Академии велась активная работа по распространению греческого языка среди арумын [Kahl 2002: 147]. В конце XVIII в. город был разорён соседями-албанцами, что привело к упадку среди албанских арумын и их массовому переселению из этих областей [Черняк 1990: 201].

В то же время, несмотря на имевшую успех в связи с политическим, экономическим и культурным значением греческого языка эллинизацию, начало формироваться арумынское самосознание: появились первые печатные грамматики арумынского. В 1815 г. арумыны, проживавшие в Буде и Пеште, попросили разрешения проводить литургию на своём языке (в разрешении было отказано). В 1860 г. в Бухаресте был основан «Македороманский комитет»; в Македонии при его поддержке стали учреждаться арумынские школы – первая

появилась в 1864 г. в с. Трново. К началу XX в. в регионах Македония и Эпир было уже 100 арумынских церквей и 106 школ с более чем 4000 учеников и 300 учителей. Но преподавание велось лишь частично на арумынском, основным языком был румынский [Kahl 2002: 147–148].

В 1905 г. Османской империей был издан декрет, утверждающий идентификацию арумын как отдельного народа. В ходе последовавших балканских войн среди арумын возникло противостояние прогречески и проболгарски (затем прорумынски) настроенных [Kahl 2002: 148–149].

В настоящее время арумынский язык практически лишён престижа [Mutavdžić 2010: 148], несмотря на деятельность различных организаций, созданных с целью поддержки арумынской культуры, например, базирующегося в Воскопое «Македорумынского совета». На государственном уровне арумынский язык поддерживается только Македонией – с 1990-х гг. ведётся выпуск газет, радио- и телевидение на арумынском [Friedman 2001: 40].

Исследование арумынского языка и проблемы нормы

Первой лингвистической работой, посвящённой арумынскому языку, считается вышедший в 1770 г. в Венеции албано-греко-арумынский словарь Т. Каваллиотиса (1715–1790), в 1750–1790-х гг. возглавлявшего Новую Академию в Воскопое [Mikropoulos 2008: 315–316]. Этот словарь был впоследствии переиздан в составе книги Й. Тунманна «Исследования по истории восточноевропейских народов» (нем. «Untersuchungen über die Geschichte der östlichen Europäischen Völker»; [Thunmann 1774]). Традиционно словарь Каваллиотиса и книга Тунманна многими считаются первыми работами по лингвистике балканских языков вообще [Friedman 2000: 1]. Для записи как

албанских, так и арумынских⁸ лексем Каваллиотис использовал греческий алфавит [Thunmann 1774: 181–238]: в соответствии с позицией Новой Академии относительно эллинизации соседних с греками народов он не предпринимал попыток создания какой-либо отдельной арумынской письменности.

В [Thunmann 1774] не описывается арумынский язык, так как автор сам утверждает, что знает его плохо [Thunmann 1774: 175]; приводится лишь словарь Каваллиотиса в ознакомительном порядке.

В конце XVIII в. (определение точной даты проблематично) был опубликован разговорник Даниила Москополенского, где параллельно давались данные четырёх языков, которые сам Даниил называл Ρωμáικα, Βλάχικα, Αλβανίτικα, Βουλγάρικα ‘ромейский, влашский, алванитский, вульгарный’, подразумевая под ними в современном понимании греческий, арумынский, албанский и славянский [Friedman 2000: 1].

Некоторый анализ арумынского языка (наряду с албанским и болгарским) был проведён В. Копитаром, во многом с опорой на Тунманна [Kopitar 1945 (1829): 227, 229 и др.], в работе «Албанский, валашский и болгарский язык» (нем. «Albanische, walachische u. bulgarische Sprache»; [Kopitar 1945 (1829)]), впервые изданной в 1829 г., Копитар указывает на крайне малое количество источников по «валашскому языку в Македонии» – т. е. арумынскому – и в своей библиографии приводит четыре наименования словарей и грамматик, среди которых словарь Каваллиотиса и «Романская, или македоновлашская, грамматика» Бояджи (нем. «Romanische oder macedonowlachische Sprachlehre», [Μποϊατζής 1813]). Для записи румынского и арумынского языков Копитар

---

⁸ Пересказывая работы XVIII–XIX вв., мы для удобства используем ныне общепринятые в российской балканистике понятия «арумыны», «арумынский язык». Безусловно, как уже было упомянуто выше (см. раздел «История арумын и арумынского языка»), авторы до Вейганда (а некоторые и после него) оперируют терминами «влахи» [Thunmann 1774], «валахи» [Kopitar 1945 (1829)] и т. п. Кроме того, наша замена произведена во избежание смешения понятий, т. к. под «в(а)лахами» понимались не только арумыны (см., например, у Копитара «валашский язык к северу от Дуная» – т. е. румынский).

использует кириллицу⁹ [Kopitar 1945 (1829): 238 и далее], при этом одной из целей его статьи является обоснование целесообразности перехода обоих языков на латинский алфавит [Kopitar 1945 (1829): 243]. В то же время он делает оговорку, что «македоно-фессалийские валахи» (т. е. арумыны) не пишут на своём языке [Kopitar 1945 (1829): 238].

Проанализировав идентичные по содержанию тексты на сербском, болгарском, румынском, арумынском и албанском языках, Копитар приходит к выводу, что албанский, арумынский и болгарский демонстрируют фактически одну и ту же грамматику и различаются только лексическим составом [Kopitar 1945 (1829): 272].

Этот же тезис выдвигает Ф. Миклошич, в чьей статье «Славянские элементы в румынском» (нем. «Die slavischen Elemente im Rumunischen»; под румынским он понимает все восточнороманские языки) впервые приводится список явлений, объединяющих балканские языки и в настоящее время называемых балканизмами [Miklosich 1861: 6–8]. Таким образом, арумынский уже в этот период считается входящим в общность, которая сейчас называется Балканским языковым союзом.

В 1923 г. Н. С. Трубецким было предложено ныне прочно вошедшее в лингвистическую терминологию понятие языкового союза – группы языков, в грамматическом строе которых, а также в культурной лексике и звуковой системе, обнаруживаются значительные сходства, но которые при этом не связаны генетическим родством. Балканский языковой союз был приведён Трубецким в качестве примера такого явления [Трубецкой 1923: 124].

В то же время арумынский продолжал и продолжает изучаться и в рамках романского языкознания – так, например, под названием «олиμπο-валашский» он рассматривается в очень подробной четырёхтомной «Грамматике романских

---

⁹ За исключением румынского текста, приведённого и на кириллице, и на латинице.

языков» В. Мейера-Любке (нем. «Grammatik der Romanischen Sprachen», [Meyer-Lübke 1890]).

Исследование Г. Вейганда «Арумыны», прежде всего этнографическое, затрагивает и вопросы языка. В частности, приложения ко второму тому содержат глоссарий, описание различий между арумынскими диалектами и методы сбора фольклорных текстов для лингвистических целей [Weigand 1894: 287–383].

Первой монументальной лингвистической работой об арумынском языке стала книга [Capidan 1932]. Хотя она называется «Арумыны. Арумынский язык» (рум. «Aromânii. Dialectul aromân»), арумынскому этносу в ней посвящено только краткое введение, в то время как основная часть книги представляет собой полное лингвистическое описание арумынского языка на всех уровнях.

В течение XX в. в балканистических исследованиях достаточно чётко разошлись уже упомянутые выше (см. раздел «История арумын и арумынского языка») две точки зрения на арумынский язык – он считается или отдельным языком, или диалектом румынского (последняя точка зрения по очевидным причинам наиболее распространена в румынской диалектологической традиции). Есть попытки найти компромиссный вариант наименования – например, в российском энциклопедическом издании «Языки мира» арумынскому, истрорумынскому и мегленорумынскому посвящены отдельные статьи, однако эти идиомы обозначены как «язык/диалект» [Нарумов 2001а; Нарумов 2001б; Нарумов 2001в].

В пользу того, что это самостоятельный язык, говорит, в частности, ряд отличий от румынского, перечисленных, например, в [Нарумов 2001а]. Однако одним из наиболее веских лингвистических аргументов в пользу того, что арумынский является диалектом (точнее, группой диалектов), является отсутствие литературной нормы и единой системы письма [Нарумов 2001а: 640]. Хотя учебники, словари и грамматики арумынского есть, нет какого-то

стандарта, который бы признавался всеми. Для письма арумыны, как правило, используют алфавит государственного языка той страны, в которой проживают – т. е. они могут писать и латиницей, и кириллицей, и греческим алфавитом. Даже в лингвистической традиции не выработано единой системы письма для записи арумынского, а существуют множество различных вариантов – начиная от алфавита, предложенного В. Копитаром в [Kopitar 1945 (1829): 240], и вплоть до алфавитов, опирающихся на румынскую латиницу, но призванных отражать все тонкости арумынской фонетики, как, например, способ записи, принятый М. Невачь в [Nevaci 2011: 11–14] (см. Приложение 1).

Все эти проблемы остаются нерешёнными, несмотря на международные арумынистические конгрессы, такие, как состоявшийся в Битоле в августе 1997 г. симпозиум по стандартизации арумынской системы письма [Friedman 2001: 41–42].

Лингвистические исследования в области арумынистики в XX–XXI вв. представляют собой в основном монографические описания конкретных диалектов (например, [Gołąb 1984; Бара и др. 2005]), работы, посвящённые диалектологии, этнолингвистике и социолингвистике на арумынском материале (среди них [Schlösser 1985; Apetroaie 2013; Satava 2013]), арумынскому языку в контексте Балканского языкового союза (к примеру, [Марковиќ 2007; Mutavdžić 2010; Poci 2011]), социологии ([Ruzica 2006; Minov 2011; Minov 2012; Papari 2012]), истории арумын ([Черняк 1991а; Черняк 1991б; Bardu 2007; Gica 2009; Nevaci 2014] и др.). Кроме того, есть исследования арумынской морфологии (к примеру, [Nevaci 2007]) и лексики ([Поленакловиќ 2007]). Фонетика и фонология изучаются, как правило, только в рамках румынской диалектологии (примеры тому – [Saramandu, Nevaci 2013; Nisioi 2014]).

Полный обзор современных работ по арумынистике не входит в задачи данного исследования, поэтому здесь будут перечислены только наиболее значимые. Труды, в которых так или иначе освещается тема арумынского языка,

создаются в нескольких странах, прежде всего, в Румынии. Основные румынские авторы – М. Караджу-Мариоцеану ([Caragiu-Marioțeanu 1958; Caragiu-Marioțeanu 1965; Caragiu-Marioțeanu 1975]), Н. Сираманду ([Saramandu 1988; Saramandu, Nevaci 2013]). Арумынистика в Германии представлена работами, например, В. Дамена ([Dahmen, Kramer 1976; Dahmen 1982; Dahmen 1993]), Т. Каля ([Kahl 2002; Kahl 2009]). Наиболее значимые македонские исследования по арумынистике проводятся в области этнологии К. Лиаку-Ановской ([Лиаку-Ановска 2000; Лиаку-Ановска 2002; Лиаку-Ановска 2007]). Среди греческих авторов, пишущих по данной теме, можно назвать, к примеру, А. Лазару ([Lazarou 1987; Lazarou 1988]) и С. Беиса ([Trifon, Kahl, Beis 2005]).

Что касается российской лингвистической традиции, проблемы арумынистики затрагиваются в рамках балканского и реже сравнительно-исторического языкознания, однако фундаментальные научные труды по ним практически отсутствуют. Исключением можно считать вышеназванную монографию [Бара и др. 2005]. Из авторов, занимающихся или занимавшихся арумынским языком, можно назвать А. Б. Черняка (его труды, как правило, посвящены истории арумынского или всей романской группы [Черняк 1990; Черняк 2013; Черняк 2015]), А. Н. Соболева ([Соболев 2007; Соболев 2013; Соболев, Русаков 2001]).

Фонетические, фонологические и историко-фонологические исследования, посвящённые конкретно аффрикатам есть на материале языков, состоящих в контакте с арумынским – греческого [Joseph, Lee 2010], албанского [Curtis 2010], румынского и болгарского [Tserdanelis, Joseph 2015]; тема аффрикат затронута в работах по фонетике болгарского ([Жобов 2004; Бояджиев 2012а; Бояджиев 2012б]), македонского ([Minissi, Kitanovski, Cinque 1982]), сербского ([Ивић 1998]) и хорватского ([Holzer 2011]) языков, а также в исследованиях по ареальной фонетике на материале идиомов Юго-Восточной Европы вообще

([Савицка 2014]). Восточнороманские аффрикаты упоминаются в типологических исследованиях, таких, как [Melikischwili 1970: 71].

Однако специальных исследований арумынских аффрикат, насколько нам известно, ранее не проводилось, и арумынская спонтанная речь также не изучалась отдельно (за исключением нашей небольшой работы [Харламова 2015], послужившей отправной точкой для настоящего исследования).

В лингвистической базе данных Ethnologue есть информация по арумынскому и указано (по состоянию на 16.05.2016), что носители арумынского проживают в Греции (50 000 человек, статус языка – под угрозой), Албании (3 850, язык под угрозой), Боснии и Герцеговине (383 000, язык дисперсный), Болгарии (16 000, язык активный), Македонии (6 890, язык изучается в школах), Румынии (28 000, язык дисперсный), Сербии (13 000, язык активный). Однако мы склонны ставить под сомнение достоверность данных сведений, так как, например, в имеющейся в нашем распоряжении научной литературе нет никакой информации о настолько крупной (и какой бы то ни было) арумынской диаспоре в Боснии и Герцеговине¹⁰.

В фонологической базе данных PHOIBLE по состоянию на 16.05.2016 какая-либо информация об арумынском языке отсутствует вообще.

Теперь обратимся к аффрикатам, зафиксированным в арумынском языке.

Аффрикаты в арумынском языке

В фонологической системе арумынского языка присутствуют четыре аффрикаты – /ts/, /dz/, /tʃ/ и /dʒ/ [Нарумов 2001a: 641]. Исконные арумынские (общерумынские) аффрикаты произошли из смычных согласных /t/, /d/, /k/ и /g/ в

---

¹⁰ Кроме того, мы уже сталкивались с откровенно недостоверной информацией, представленной в этой базе данных. Так, примерно до сентября 2015 г. в ней было указано, что в Российской Федерации два основных языка – русский и коми-зырянский.

позиции перед гласными переднего ряда [Meyer-Lübke 1890: 318–342; Rothe 1957: 32; Atanasov 2002: 80]. Палатализация и последующая аффрикация /t/ и /k/ – наиболее древний и распространённый процесс палатализации в романских языках. Свидетельства аффрикации /t/ присутствуют уже в памятниках классической латыни II в., а к середине V в. аффрицированное произношение было нормировано. Анализ данных средневековых вариантов романских языков позволяет предполагать, что аффрикация /k/ произошла после аффрикации /t/ [Loporcaro 2011: 143–144]; она имела место в поздней вульгарной латыни [Alkire, Rosen 2010: 62].

Кроме того, аффрикаты присутствуют в заимствованиях из славянских (к примеру, *vračī* ‘знахарь’, ср. серб. *врач* с тем же значением), тюркских (например, слова с типичным тюркским суффиксом деятеля -*ğī*) [Rothe 1957: 46–62], греческого (заимствование флексии множественного числа -*δες* как -*di*) и албанского (например, встретившееся в исследованном нами материале [d'ütēan'i] ‘магазин’, ср. алб. *dyqan*, *dyqani* с тем же значением – сама лексема является тюркизмом, но, скорее всего, в ресенский говор она была заимствована через албанское посредничество) языков [Gołab 1984: 40]. В некоторых арумынских диалектах регулярен переход /tʃ/ в /ts/ и /dʒ/ в /dz/; вероятно, это следствие контактов с греческими диалектами [Нарумов 2001а: 641].

Перейдём к конкретным арумынским говорам, на материале которых проводилось наше исследование – говору с. Турья и говору г. Ресен.

Арумынский говор села Кранея/Турья

Говор с. Турья¹¹ наиболее полно и подробно описан в посвящённой ему монографии М. Бара, Т. Каля и А. Н. Соболева [Бара и др. 2005]. Мы приведём

---

¹¹ Кранея (Κρανέα, Κρανιά, иногда Βλαχοκρανιά) – греческое название села, в то время как Турья – арумынское.

здесь общие сведения о говоре и наиболее яркие характеристики его фонологической системы.

Арумынское село Турья находится в горном массиве Пинд на высоте 960 м., на границе административной области Западная Македония с Эпиром и Фессалией [Бара и др. 2005: 16] (см. рис. 3, карта из [Saramandu 1988]). В Приложении 2 см. карты данного района и района Ресена из [Kahl 2009].

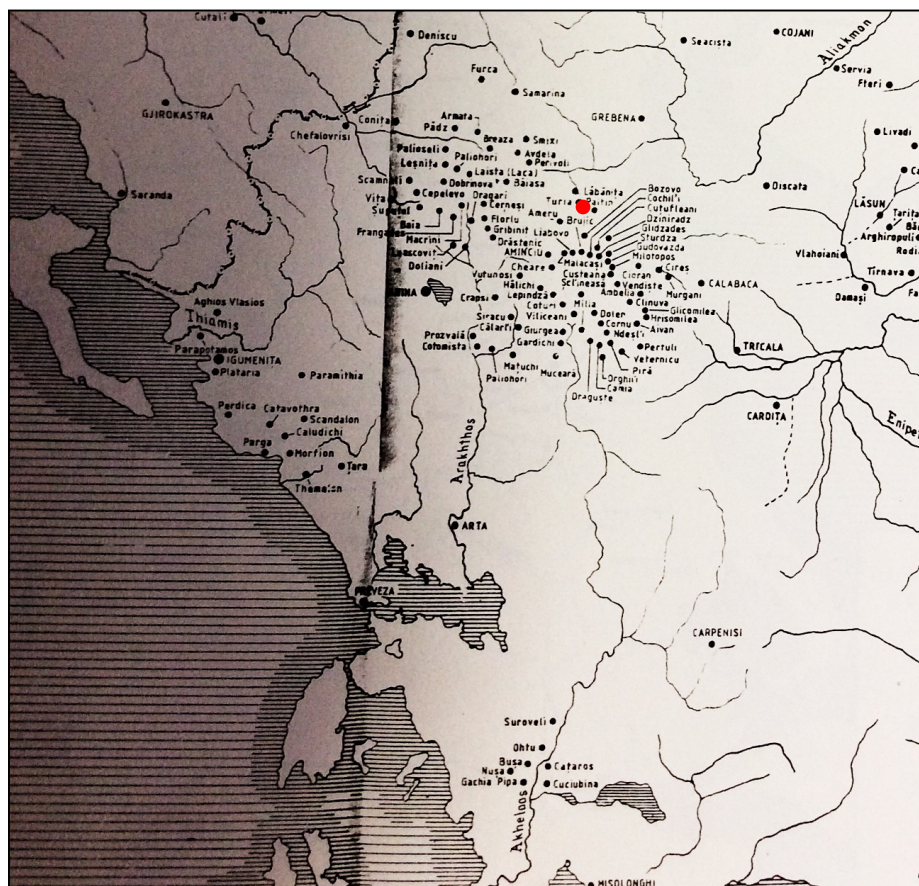

Рис. 3. С. Кранья/Турья (отмечено красным) на территории Греции

В настоящий момент население села, по данным переписи 1991 г., составляет 608 человек. Начальная школа есть только греческая (ранее также имелась румынская). Когда-то село было под влиянием и греческого, и румынского национальных движений, с чем было связано деление его жителей на «арумын» и «греков» (население, считавшее себя греками по национальности,

но использовавшее арумынский язык). В большинстве своём «арумыны» эмигрировали в Румынию, поэтому в настоящее время жители Турьи считают себя греками, называют себя влахами (Βλάχοι), свой язык – *limba noastră* ‘наш язык’, *vlāh’ești* ‘влашский’, *armânești* ‘арумынский’. Очень распространено мнение, что по-арумынски нельзя писать в принципе [Бара и др. 2005: 17].

Что касается арумынского говора Турьи, он «может служить прекрасным репрезентантом всей группы южноарумынских говоров ... отличающихся, в частности, в области фонетики:

- 1) качественной редукцией безударных *e > i* и *o > u*;
- 2) наличием гласного *u* в консонантном финале слова ... или соответствующего неслогового призвука ...
- 3) частым наличием неслогового *i*-призвука после *t* и *d* ...
- 4) частым ... озвончением глухих смычных после носовых сонантов ...
- 5) синкопами ...
- 6) лексикализированными фонетическими особенностями вроде *kāṣkāvaku*, *aṭol* и др...» [Бара и др. 2005: 18–19]

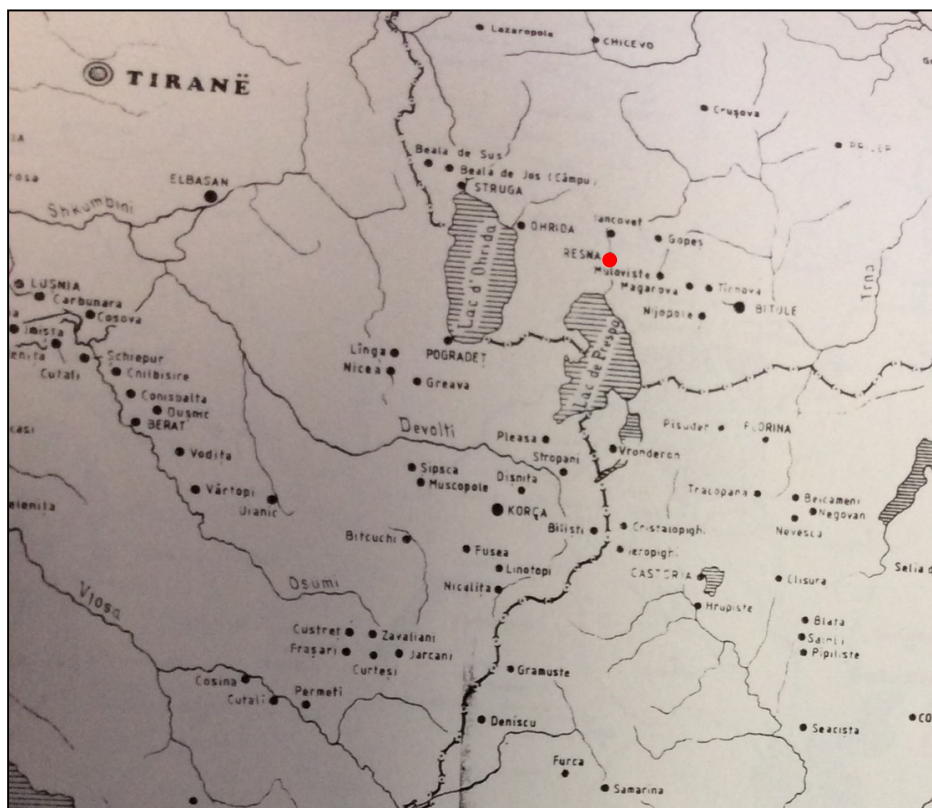
Фонологического противопоставления гласных среднего ряда по подъёму в говоре не обнаружено [Бара и др. 2005: 19].

Список информантов дан в [Бара и др. 2005: 20–22], мы в основном опирались на записи речи Анастасии Писсони [Бара и др. 2005: 20]; аудиоматериалы, использовавшиеся в нашем исследовании, доступны на CD-приложении к этой монографии.

Арумынский говор города Ресен

Город Ресен находится в граничащем с Албанией регионе Преспа, Македония (см. рис. 4, карта из [Saramandu 1988]), в десяти километрах к северу

от Большого Преспанского озера, и является центром Ресенской общины. Согласно переписи 2002 г., в нём проживают 8748 человек, из них 18 арумын.

Рис. 4. Г. Ресен (отмечен красным) на территории Македонии

В настоящий момент из жителей Ресена арумынским языком в той или иной мере владеет, по нашим данным, только семья Андоновски, которой принадлежит швейная мастерская на центральной площади города. Нашей информанткой согласилась быть 63-летняя Василике Андоновска; кроме того, в ходе полевой работы было принято решение также записать речь её приехавшей в гости замужней дочери, Ирины Стефановски.

Полного описания ресенского арумынского говора не имеется. Кроме того, есть некоторые сомнения относительно того, правомерно ли обозначение «ресенский говор» по отношению к набранному нами материалу. Это связано с тем, что В. Андоновска родилась в Крушево (хотя она живёт в Ресене много лет,

маловероятно, что на её говор могли как-то повлиять другие носители арумынского, которых, по всей видимости, сейчас в городе нет). Крушево расположено приблизительно в сотне километров от Ресены, и в нём проживает, по последней переписи, 744 носителя арумынского, а также, что немаловажно, есть возможность изучения арумынского в школе [Friedman 2001: 40].

И. Стефановска, в свою очередь, родилась в Ресене, училась в Скопье, а после замужества переехала в с. Горна Бела Црква (в семи километрах от города). Таким образом, само понятие «говор города Ресен» достаточно условно, особенно если учесть ничтожно малое количество носителей.

Согласно [Kramer 1991], арумынские говоры Преспы находятся на стыке северно- и южноарумынской диалектных зон. По полученным материалам, мы склонны скорее отнести говор наших информанток к северноарумынскому ареалу, так как, прежде всего, в нём, как правило, отсутствуют неслоговые конечные призвуки (например, [munts] – ‘горы’, ср. в словаре диалекта Турыи *munḑā/munṭā*), и нам не удалось установить наличие противопоставления двух разных гласных среднего ряда – эти особенности являются наиболее яркими характерными чертами северноарумынской диалектной зоны [Нарумов 2001а: 638].

3. Методика исследования

Полевая работа

При сборе материала в с. Турья «основным методом полевой работы был прямой опрос информантов, который – с учётом двуязычности последних – проводился Т. Калем и М. Бара как на арумынском языке, так и на литературном греческом языке ... Было записано также большое число связных текстов, свободно рассказанных информантами на разные этнографические, бытовые и другие темы» [Бара и др. 2005: 19–20].

При проведении нашей экспедиции мы также основывались на методике, описанной в [Бара и др. 2005]. Мы делали аудиозаписи при помощи программы Voice Memos, разработанной для iPhone; записи впоследствии конвертировались в формат, поддерживаемый программами для изучения звука (см. далее раздел «Фонетический анализ»). Так как на данном этапе нам было достаточно собственно речевого сигнала, а также вследствие ограниченности ресурсов экспедиции, мы не использовали никаких специальных приспособлений для определения артикуляторных особенностей речевых аппаратов информантов (подробнее об инструментах для исследования артикуляции см., например, [Schroeder, Strube 1979]).

Наши информантки – В. Андоновска (63 года) и её дочь И. Стефановска – обе являются арумынско-македонскими билингвами, однако, в связи с низким уровнем владения македонским языком, мы проводили прямой опрос по-сербски (даже македонцы, не говорящие по-сербски, понимают этот язык). Был заранее составлен (при помощи словаря [Papañagi 1974] и раздела [Бара и др. 2005: 310–434], посвящённому лексике) список слов и устойчивых выражений, содержащих аффрикаты (см. Приложение 3), и их переводы на сербский. В связи с недостатком времени при подготовке к экспедиции и невысоким уровнем владения как арумынским и румынским, так и французским языком (на

последнем составлены дефиниции в [Paparagi 1974]) лексика из [Paparagi 1974] была проработана лишь частично, поэтому в разделе анкеты, составленной по данному словарю, были только слова, начинающиеся на *a*.

Многие реакции на стимулы из анкеты вообще не совпали с ожидаемыми – говорящие называли другие лексемы. Это очевидным образом следует из того, что арумынские диалекты, на материалах которых составлялись использованные нами словари, содержали большое количество тюркизмов и грецизмов, в то время как в говоре наших ресенских информанток преобладали славянские заимствования или романская лексика. Например, лексема со значением ‘сентябрь’, в [Paparagi 1974] приведённая как *ayizmâcîun*, в исследованном нами идиоме звучит как [septemburlu] (см. Приложение 5).

В ходе полевой работы мы также записывали ответы информантов на вопросы А. Л. Макаровой, в чью анкету входили глагольные парадигмы, а также лексика, обозначающая части тела.

При проведении интервью нами устно предлагались сербские стимулы для перевода на арумынский. Иногда мы получали реакцию сразу же, если же слово было недостаточно частотным, В. Андоновска некоторое время обдумывала его, подбирала варианты или советовалась относительно перевода с дочерью. В первый же день В. Андоновска также предложила сделать для нас письменные переводы, приведённые в Приложении 5. Стимулы для письменных переводов были переведены на македонский при помощи А. Л. Макаровой, владеющей этим языком на высоком уровне.

Кроме ответов на вопросы анкеты, мы стремились получить неизолированное произношение лексем, для чего просили составить с переведёнными на арумынский словами фразы. По нашей просьбе В. Андоновска также произносила нарративы – часть из них была подготовлена, но не выучена наизусть, о чём говорят паузы, заминки и пояснения, поэтому приравнена нами если не к спонтанной речи, то к наиболее приближенному к спонтанной виду.

Чисто спонтанный текст получить было крайне сложно, так как наши информантки не пользуются арумынским в повседневном общении и при каждой возможности переходили на македонский.

В ходе экспедиции в г. Ресен, проходившей с 22 по 29 июля 2015 г., было проведено три интервью (кроме ответов на вопросы анкеты, были получены несколько нарративов и даже один диалог, имевший место между информантками по нашей просьбе) и сделано в общей сложности 1 ч. 51 мин. 31 сек. записи.

Следующим этапом исследования было проведение фонетического анализа материалов.

Фонетический анализ

Инструментальный анализ записей производился при помощи компьютерных программ Sound Forge и Speech Analyzer. Обе программы могут использоваться для построения спектрограмм и осциллограмм.

Спектральный анализ показывает, какие частоты и насколько интенсивно реализуются в речи. С помощью осциллограмм можно установить, кроме того, длительность и интенсивность самих звуков и частоту основного тона.

Долгое время построение спектрограмм и осциллограмм проводилось при помощи отдельных приборов – спектрографов и осциллографов соответственно. Работа с такой аппаратурой всесторонне описана, например, в [Бухтилов и др. 1970; Григорян 1970] и т. п. Но в настоящее время есть широкий выбор программ, широко применяющихся в инструментальной фонетике и не требующих каких-то особых технических навыков от исследователя. На рис. 5 приведён скриншот программы Sound Forge, в которой открыта запись изолированного

произношения аффрикаты [dz]¹² диктором-носителем русского языка. Скриншоты с произношением [ts], [tʃ] и [dz] см. в Приложении 4.

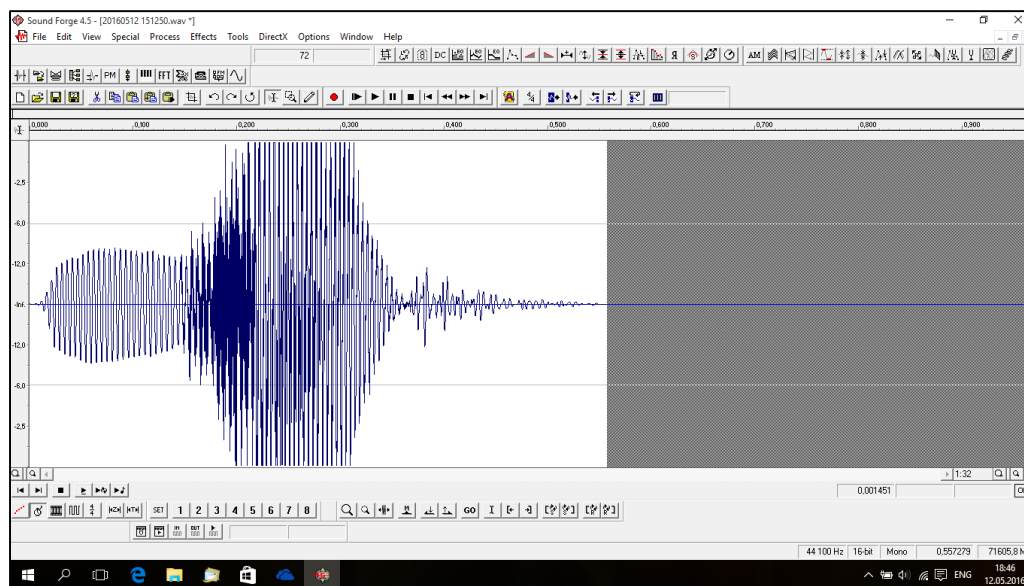

Рис. 5. [dz] в произношении автора в программе Sound Forge. Длительность смычки - ~150 мс, фрикции - ~400 мс.

При транскрибировании материалов мы использовали, как правило, Sound Forge. Выбор объясняется тем, что в этой программе присутствует очень удобная опция разделения всей записи на более мелкие т. н. «регионы», каждый из которых получает порядковый номер. При желании этот порядковый номер в списке регионов можно заменить транскрипцией содержащегося на данном участке текста, после чего сделанная транскрипция показывается прямо над осциллограммой. См. на рис. 6 пример такого анализа – отрывок из арумынской записи из с. Турья, разделённый на два транскрибированных региона и паузу.

¹² Выбор именно [dz] был связан с наилучшим, на наш взгляд, качеством записи и наиболее чётким произнесением обеих фаз аффрикаты.

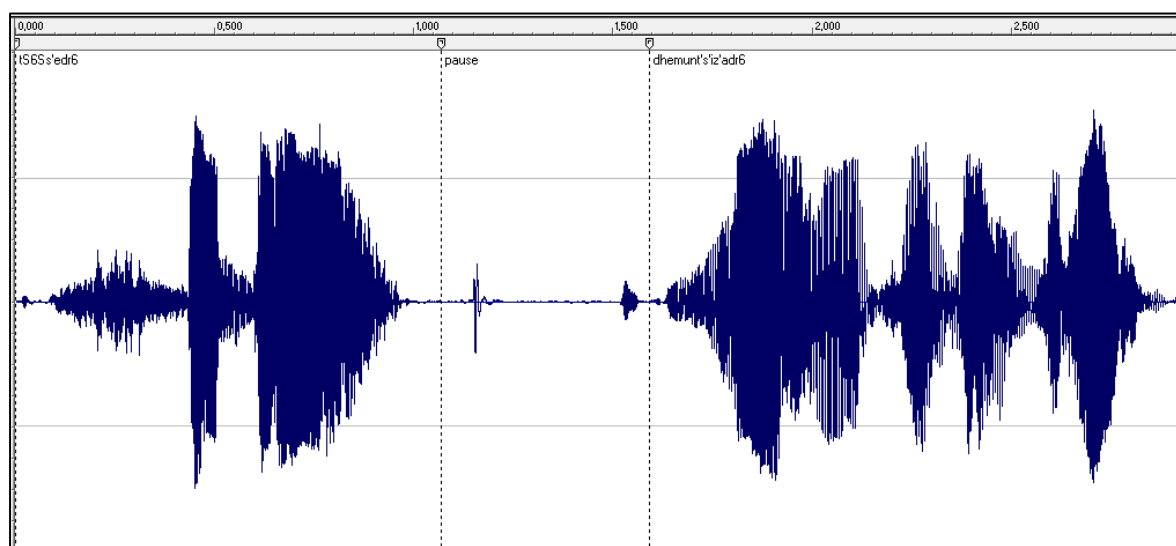

Рис. 6. *si-adră demun, ți si-adră*¹³?! [tʃʲsʲ'edră_dɛmunt'sʲiz'adră] 'стал демоном, чем [же ещё] стал?!' А. Писсони, Турья

Speech Analyzer был выбран как дополнительная программа анализа звукового сигнала потому, что, на наш взгляд, спектрограммы, построенные в Speech Analyzer, чётче и качественнее тех, что создаются при помощи Sound Forge. См. на рис. 7 анализ вышеупомянутой записи изолированной аффрикаты [dz] в Speech Analyzer, в Приложении 4 – скриншоты записей трёх других аффрикат в этой программе.

Praat, также распространённая программа для фонетического анализа речи, нами не использовалась.

¹³ Нарративы из Турьи были записаны М. Бара (румынской носительницей арумынского) в орфографии, принятой в румынской традиции для арумынского, с некоторыми элементами фонематической транскрипции [Бара и др. 2005: 435–486]. При использовании материалов из её записанных текстов мы оставляем их без изменений, но убираем знаки ударения – во-первых, по причинам, перечисленным ниже в данном разделе, во-вторых, во избежание путаницы, так как знаки ударения внешне практически идентичны знакам мягкости согласных.

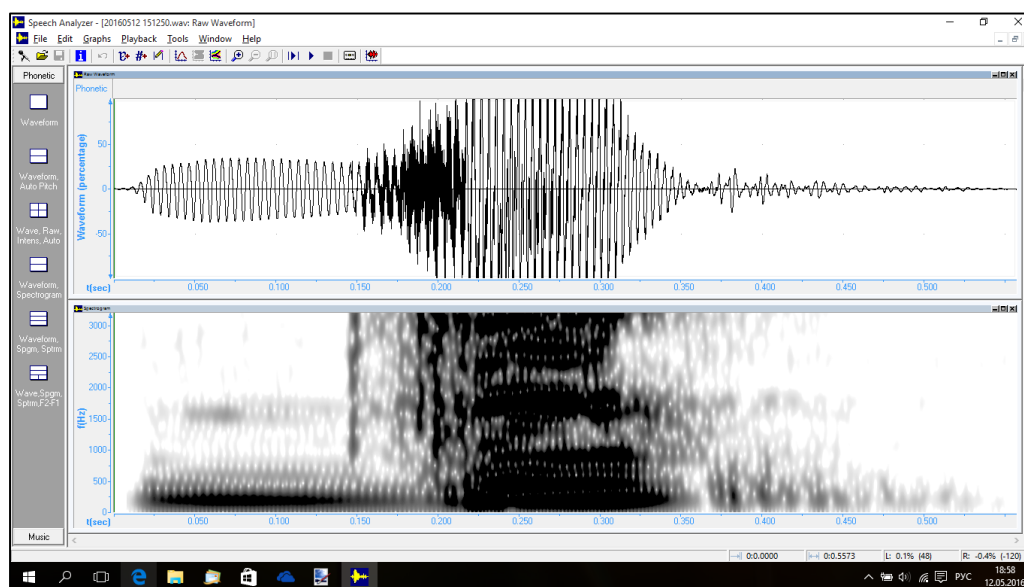

Рис. 7. [dz] в произношении автора в программе *Speech Analyzer*

Наша транскрипция, в отличие от фонематической, созданной М. Бара [Бара и др. 2005: 435–486], является фонетической – т. е. отражает не нормированное (в применении к арумынскому языку – считающееся наиболее характерным для данного диалекта) произношение, а реальное звучание конкретного речевого потока.

Транскрипция создавалась по методике, используемой в лаборатории моделирования речевой деятельности СПбГУ и описанной, например, в [Венцов, Слепокурова 2010: 28]. Текст транскрибировался на слух с опорой на осциллограммы, полученные в Sound Forge, и спектрограммы Speech Analyzer. Идентификация речевого сигнала проводилась на интервалах, которые не превышали длительности слога – таким образом исключалось какое бы то ни было влияние семантики на соответствие транскрипции потоку речи. Запись транскрипции производилась при помощи Международного фонетического алфавита¹⁴. По причине сложности определения места ударения в спонтанной

¹⁴ Следует заметить, что в транскрипции, записанной над осциллограммой в Sound Forge (см. рис. 6), используется не Международный фонетический алфавит, а его упрощённая редакция – SAMPA. В

речи и с учётом того, что ударный и безударный вокализм не имеет прямого отношения к теме настоящего исследования, знаки ударения не проставлялись в транскрипции вообще.

Одну из сложностей при транскрибировании представлял риск ошибочного определения палатализованного смычного как аффрикаты – при том, что, безусловно, смягчение взрывных практически всегда сопровождается слабой аффрицированностью (о восприятии на слух смычных как аффрикат см., например, [Guion 1998]). Именно в таких случаях нам чаще всего приходилось обращаться к данным спектро- и осциллограмм.

Нами были, по крайней мере, затранскрибированы в черновом варианте все имеющиеся в нашем распоряжении аудиозаписи, но наиболее пристальное внимание было уделено тем, которые мы сочли наиболее чёткими и высококачественными. В Приложении 6 приведены два отрывка из проанализированного нами звукового материала – из Турьи и из Ресена. В ресенской записи курсивом отмечена речь опрашиваемых, кроме того, сохранено двуязычие информантки – т. е. транскрибирована также и её македонская речь. Однако исследование македоноязычного материала представляет собой совершенно отдельную задачу.

Перейдём к результатам нашего анализа.

связи с отсутствием на клавиатуре многих значков МФА и, следовательно, трудоёмкостью работы с этим алфавитом, им записывались только окончательные варианты транскрипции, предназначенные для включения в текст работы; все же записи, необходимые по ходу исследования, велись на SAMPA. Так как отдельная редакция SAMPA для арумынского отсутствует, нами использовалась редакция, разработанная для немецкого, с которой мы были лучше всего знакомы в силу наших предыдущих опытов исследований в области фонетики. Эта редакция была немного модифицирована нами для удобства работы с арумынской речью.

4. Результаты исследования

Инвентарь аффрикат

В ходе исследования мы установили наличие в консонантизме говоров Турьи и Ресена четырёх аффрикат – [ts], [dz], [tʃ] и [dʒ] (см. спектро- и осциллограммы примеров слов с этими аффрикатами в Приложении 7). В материале из Турьи (по нашему предположению, в связи с особенностями речи информантки) присутствовали мягкие аллофоны [ts] и [dz] – [t's'] и [d'z']. Аффриката [dʒ], звонкий коррелят [tʃ], встречалась нам лишь несколько раз, и в большинстве случаев мы не можем с уверенностью определить, что это именно такой звук. Единственный пример (из Ресена), по поводу которого мы не сомневаемся, также приведён в Приложении 7. Кроме того, как правило, в качестве аллофонов либо вышеназванных аффрикат, либо смычных или щелевых согласных иногда выступали среднеязычные аффрикаты [tɕ] и [dʒ], однако случаи их употребления малочисленны и, как и в случае с [dʒ], чаще всего сомнительны. В Приложении 7 мы привели два наименее спорных случая с [tɕ].

Любопытно, что взятый из записей из Турьи пример среднеязычного был записан М. Бара в орфографии с *t*, и в этом материале есть ещё пять словоформ, в которых палатализация [ts] настолько сильная, что, возможно, он может считаться среднеязычным. Однако в связи с тем, что высокая степень смягчения всех согласных – уже упомянутая выше особенность речи А. Писсони, мы не можем делать каких-то общих выводов на основании этого факта.

Как можно видеть по [Berns 2014: 382] (см. выше раздел «Типология аффрикат»), наиболее часто используемые в арумынской речи аффрикаты являются одновременно и наиболее распространёнными в языках мира, согласно данным UPSID. Заметим, что наличие в консонантной системе /dz/ и /dʒ/ – одно из важнейших отличий арумынского языка от дакорумынского на

фонологическом уровне, т. к. в румынском эти звуки перешли в щелевые [Meyer-Lübke 1890: 318–342; Нарумов 2001a: 642]. Примеры тому – словоформы со значением ‘говорю’ (арум. *đikʷ* – рум. *zic*), ‘игра’ (арум. *ğokʷ* – рум. *joc*) [Нарумов 2001a: 642]. Хотя есть и альтернативные версии, утверждающие, что /dz/ до сих пор присутствует в румынском языке на фонологическом уровне – см., например, инвентарь согласных фонем румынского в [Chitoran 2001: 10].

Однако в спонтанной речи наших информантов аффрикаты встречались не во всех словах и позициях, где они должны были бы быть, согласно имеющимся в нашем распоряжении словарям [Paparagi 1974] и [Бара и др. 2005], и в то же время аффрицированный согласный мог звучать в той позиции, где, по данным словарей, аффриката отсутствует.

Рассмотрим прежде всего случаи, когда в позиции аффрикаты встречался другой согласный, а именно в нашем материале – фрикативный.

Выпадение или ослабление смычки

Замещение аффрикаты щелевым происходило в речи информантов нерегулярно. В имеющихся у нас записях имеет место выпадение смычки в свистящих аффрикатах [ts] и [dz], а также её ослабление в [tʃ]. В Приложении 8 приведены спектрограммы и осциллограммы слов с переходом аффрикаты в щелевой или ослаблением смычной фазы. В случае с [ts] выпадение смычки наиболее частотно в коротких словах, например, *aṭea* [az'a] ‘эта’ (запись из Турьи) и *ṭi* [si] ‘что’ (запись из Ресена). Примерами перехода в щелевой аффрикаты [dz] могут служить *ḍāsi* [zəs] ‘сказал’ (Турья) и *aḍ* [azə] ‘сегодня’ (Ресен).

Кроме того, заслуживает отдельного внимания рукописный перевод лексем с македонского на арумынский, выполненный В. Андоновской (см. Приложение 5). Наша информантка обозначала аффрикаты кириллическими буквами *џ*, *ч* и *с*,

показывая этим, что при письменной фиксации отличает данные звуки от других согласных. Но любопытна ситуация с переводом лексемы со значением ‘сегодня’ (макед. *денес*). В [Papaahagi 1974] дано несколько арумынских вариантов этой лексемы – *adz*, *adzâ* и *adzi*¹⁵, но во всех присутствует аффриката. В то время как В. Андоновска записала слово как *аз*, т. е. можно с уверенностью предположить, что в этом случае она даже не воспринимает согласный звук как аффрикату, а исключительно как щелевой¹⁶. Следовательно, в этом случае можно предположить, что слово изменилось и фонологически, поскольку зависимость фонетической интерпретации аллофонов различных фонем от фонологической системы языка была установлена уже давно (см., к примеру, [Бондарко, Вербицкая, Зиндер 1966: 30]).

При обобщении данных исследуемых текстов мы приходим к следующим результатам. В орфографической записи текста из Турьи, сделанной М. Бара, присутствуют 50 употреблений *d* и 94 *t* – по нашей транскрипции, из них 24 *d* (т. е. ок. 50%) и 38 *t* (ок. 40%) произносятся без смычки. В основном утрата смычки происходит, как уже было указано выше, в словоформе *dāsi*, одном из самых частотных слов в записи из Турьи, и в местоимении *t* и производных от него словах.

Полной статистики по Ресену на данный момент ещё не имеется, однако мы можем с уверенностью сказать, что утрата смычки в [ts] в ресенских записях больше всего частотна не в монологах, а в перечислениях глагольных форм (в ответ на вопросы А. Л. Макаровой): например, [voɪdurnis] ‘вы спите’, при том, что обыкновенным показателем данной формы является [ts]. Это связано с тем, что, как уже было упомянуто, большинство нарративов является не вполне спонтанной речью, поэтому в них более чёткое и близкое к тому, что информанты

¹⁵ При орфографической записи материалов из Ресена была выбрана первая форма (*ad* в используемой нами орфографии), так как информантка не отметила в письменных переводах наличия в данном слове конечного гласного среднего ряда среднего подъёма.

¹⁶ В македонской кириллице [dz] обозначается знаком *z*.

считали правильным, произношение, в то время как ответы на вопросы анкеты давались спонтанно, и, если корни слов произносились очень чётко, то окончания часто «зажёвывались».

Статистику по ослаблению смычки в [tʃ] составить сложнее, и прежде всего потому, что не определена чёткая граница между «слабой» и «сильной» смычкой, поэтому такое деление во многом интуитивно¹⁷. С большей уверенностью можно говорить о случаях относительного сокращения смычки – т. е. удлинения фрикативной фазы. Например, если информант выбирает, что сказать, и протяжно произносит начало слова, как в Турье в отрезке [tʃʰsʰedrə]: только *si-adrā* [sʰedrə] ‘стал’ имеет значение, в то время как «пробное» начало высказывания [tʃʰ] произносится с большей длительностью (см. спектрограмму данного отрезка в разделе «Фонетический анализ»), и удлинению в первую очередь подвергаются щелевые.

Если мы обратимся к данным фонетической типологии, то увидим, что исчезновение смычной фазы у аффрикаты – наблюдаемый или реконструируемый во многих языках процесс. В одной из важных работ по диахронической фонологии [Kümmel 2007] перечислены случаи выпадения смычки у свистящих аффрикат, например, для большей части групп индоевропейской языковой семьи.

Наиболее частотным представляется выпадение смычки в [ts] –согласно [Kümmel 2007: 376–409], оно происходило, к примеру, в поздней латыни, венецианском диалекте, южнорусских диалектах, чакавском хорватском и др., а также реконструируется для таких мёртвых языков, как фригийский, праалбанский и прагреческий [Kümmel 2007: 372–373]. Для них же реконструируется выпадение смычки в [dz]; из письменно зафиксированных языков оно происходило в гегском албанском и очень часто в романской группе,

---

¹⁷ Подробно проблемы, связанные с разграничением аффрикаты и фрикативного при восприятии, описаны в [Hu, Wang 2005].

например, в старокаталонском. Утрата смычки в [tʃ] отмечена в каталонском и леонском, а также в некоторых латышских и словацких диалектах [Kümmel 2007: 349–447]. Немаловажно, что утрата смычки в звонких аффрикатах произошла в румынском (см. выше раздел «Инвентарь аффрикат»), генетически самом близком к арумынскому языку. В типологических исследованиях также отмечается, что именно переднеязычные согласные чаще всех остальных подвергаются изменениям [Paradis, Prunet 1991: 19].

Переход аффрикат в щелевые наблюдался и в ходе анализа конкретных языков. Так, в работе [Касаткин 1999], посвящённой современной фонетике различных вариантов русского языка, на материале, к примеру, говоров Гдовского района Псковской области описываются как случаи ослабления смычки и удлинения щелевой фазы аффрикат, так и случаи полного перехода аффрикат в щелевые [Касаткин 1999: 266–270].

В исследовании по истории шведских аффрикат [Кузьменко 1970a] отмечено выпадение смычного начала у аффрицированных согласных в говорах южной Швеции, таких, как говор Сконе [Кузьменко 1970a: 7].

Общеизвестным является пример выпадения смычки у /ts/ и /dz/ из исторической фонологии французского языка [Malmberg 1958: 545; Alkire, Rosen 2010: 62].

Некоторые диалектологические работы на материалы различных идиомов, тоже регистрирующие переход аффрикат в щелевые, перечислены в [Žygis et al. 2012: 308–309]; примеры языков, где имел место этот переход, см. также в [Hock, Joseph 2009: 134].

Таким образом, ситуация с переходом аффрикат во фрикативные в говоре Турьи вполне соотносится с явлением, присутствующим в других индоевропейских языках. Что касается общетипологических данных, то, согласно им, наиболее ярко выраженную тенденцию к лишению смычной фазы выказывают звонкие аффрикаты (см. выше раздел «Типология аффрикат») в

связи с тем, что их артикуляция проходит долго и характеризуется высоким давлением воздуха внутри рта, делающим произношение более затратным для речевого аппарата [Žygis et al. 2012: 299].

С другой стороны, это же является и причиной того, что звонкие аффрикаты вообще встречаются реже глухих, как мы видим и на примере наших записей; соответственно, для более общих выводов о тенденциях перехода звонких аффрикат в щелевые необходимо изучение большего количества материала.

Перейдём к другому явлению, которое мы обнаружили в спонтанной речи наших информантов, – аффрикации [t].

Аффрикация [t]

Появление щелевой фазы у переднеязычного согласного наблюдается в основном в материале из Турьи. При анализе записей из Ресена мы смогли найти лишь спорные случаи, в основном такие, при которых сложно сказать, имеет место фрикативная фаза или часто встречающееся в речи В. Андоновски придыхание. Однако в материале из Турьи аффрикация и слышна, и видна на спектро- и осциллограммах достаточно чётко: 3 случая явной аффрикации (все три раза в последнем безударном слоге), 10 случаев появления выраженной фрикативной фазы (во всех случаях перед [i]). Наиболее ярким примером этому может служить *aromunești* ‘арумынский’, произнесённое как [arumuneʃt's'i] (спектро- и осциллограмму см. в Приложении 9).

Если вновь обратиться к [Kümmel 2007: 350–378], то на индоевропейском материале такая аффрикация обнаруживается в основном в реконструкциях – в праанатолийском, прагреческом, праиталийском и т. д. Одним из самых наглядных примеров, зафиксированных письменно, является уже

упоминавшийся переход /t/ в /ts/ перед гласными переднего ряда в поздней латыни (см. выше раздел «Аффрикаты в арумынском языке»).

Как другой пример можно привести аффрикацию /t/ в ходе Второго передвижения согласных в древневерхненемецком. Но она проходила в других позициях – в абсолютном начале слова, в случае геминии и после плавного или носового. После Второго передвижения аффриката /ts/ распространилась по всему ареалу верхненемецких диалектов [Brosnahan 1959: 112].

Мы видим, что, хотя аффрикация /t/ не проходит так широко по различным группам языков, как выпадение смычки у /ts/ и звонких аффрикат, это не исключительное в типологическом плане явление, в частности, оно уже имело место в истории романских языков.

Перейдём к обобщению проведённой нами экспериментальной работы.

Итоги и перспективы эксперимента

Итак, на примере двух говоров арумынского языка мы установили, что в спонтанной речи их носителей наблюдаются фонетические явления и процессы, которые зафиксированы в истории многих языков, но в данном случае их результаты ещё не повсеместны и соответственно не подверглись фонологизации. Более того, поскольку мы не располагаем данными об их регулярности, мы не можем делать каких-либо предсказаний о том, будет ли иметь место языковое изменение – относительно подобных выводов мы склонны разделять позицию, высказанную в [Клейнер 2006]: «перемещение этих [произносительных] вариантов “по горизонтали”, т. е. в пределах данного синхронного среза, отражает динамику языка, которую часто принимают за языковое изменение. В действительности же любые модификации в пределах синхронного среза нельзя интерпретировать иначе, как варьирование ... Такое

варьирование может иметь отношение к истории языка, но совсем не обязательно к эволюции данной языковой системы» [Клейнер 2006: 135].

Следовательно, одна из перспектив дальнейшей работы – отслеживание развития этих диалектов арумынского языка в течение последующих десятилетий и сбор большего количества материала. Этот способ установления того, имело ли место языковое изменение, и его изучения был предложен ещё У. Лабовом [Labov 1965: 94]. В случае, если, например, /ts/ во всех своих современных позициях утратит смычку и совпадёт с /s/, а в фонологической системе будет при этом замещён новым /ts/, образовавшимся в результате аффрикации /t/, мы будем иметь подтверждение нашей гипотезы о том, что в настоящий момент имеет место процесс языкового изменения. Тогда это изменение можно будет изучить и с фонологической точки зрения, к примеру, установить, не является ли оно по своему механизму чем-то подобным германскому «перераспределению аллофонов», описанному в [Клейнер 2001]. При этом также можно будет опираться на описание процесса перехода аффрикат в щелевые с точки зрения теоретической фонологии, приведённое в работе по аффрикатам баскского языка [Hualde 1987: 379–382] (по этой проблеме см. также [Weijer 1992]).

Другое направление, которое может быть разработано в связи с этой темой, также связано с пограничными областями фонетики и фонологии – с недостаточно изученным в настоящее время [Нарумов 2001a: 643] арумынским слогоделением. Аффрикаты как состоящие из двух фаз фонемы (а с некоторых точек зрения, бифонемные сочетания, т. е. консонантные кластеры) представляют одну из извечных проблем при слогоделении, потому что далеко не всегда ясно, можно ли проводить слоговую границу между двумя фазами аффрикаты (подробно об этом см., например, [Pulgram 1970]). Этот вопрос можно рассмотреть в свете полученных результатов, проследив, меняется ли принцип слогоделения при потере аффрикатой одной из фаз. Кроме аффрикат, схожую

проблему представляют собой дифтонги, которые по-разному реализуются в разных арумынских диалектах [Нарумов 2001а: 642, 643, 655], и, соответственно, фонологический статус глайдов, закономерности употребления которых по арумынским диалектам также представляют собой довольно пёструю картину. [Нарумов 2001а: 642]. В этой проблеме также ключевым является вопрос о фонологическом статусе самих аффрикат (об этом см., к примеру, [Кузьменко 1970а; Кузьменко 1970б; Kehrein 2002]).

Перспективной также является возможность рассмотреть на примере аффрикат, а затем, отталкиваясь от них, на фонетическом уровне вообще отражение многоязычия говорящего в его речи, так как все наши информанты – либо греко-арумынские, либо македоно-арумынские билингвы. Можно исследовать как на частном примере, так и в общем ключе взаимодействие двух различных языковых систем в мозгу говорящего и следствия этого взаимодействия в речи – например, то, что Б. Джозеф называет «близким знакомством» со вторым языком [Joseph 2007: 2; Joseph 2009: 134].

Наконец, выводы, сделанные в нашей работе, могут послужить толчком к разработке типологии спонтанной речи – направления, о котором заговорили только недавно – и общей фонетической картины балканских языков, так как в этой области также изучено крайне мало.

Первоочерёдными задачами дальнейшей работы должны быть прежде всего рассмотрение проблемы частотности звуков и их идентификации, а также разграничения аффрикации и палатализации. Кроме того, необходимо проанализировать вариативность реализации фонем (см., например, реализацию /ts/ в записи из Турьи как [ts], [dz], [s], [ʃ], [z], [tɕ], [tʰ]), определить само понятие варианта для исследуемого материала и установить дистрибуцию вариантов с учётом их позиции в слове и влияния соседних звуков. Значимым является и соотнесение данных графики и фонетики в свете более общей проблемы «правильности» речи на языке без литературной нормы, а также рассмотрение

случаев лексикализации изменений, как в примере с *аз* 'сегодня'. Возможно, проведённая работа позволит нам сделать предположения о причинах происходящих с аффрикатами изменений на фонетическом уровне.

Заключение

В работе был проведён обзор исследований, посвящённых спонтанной речи и аффрикатам, и была представлена информация по арумынам, арумынскому языку и исследованиям по арумынистике. В связи с этим было отмечено, что работ по арумынской спонтанной речи в нашем распоряжении не имеется и аффрикаты в арумынском языке также не рассматривались ранее как отдельная тема.

Были охарактеризованы говоры, на материале которых проводилось наше исследование – описание говора с. Турья являлось фактически кратким резюме сведений, приведённых в подробной монографии по данному диалекту, в то время как описание говора г. Ресен мы были вынуждены делать с опорой только на собранный нами материал. По причине крайне малого количества носителей арумынского в этом городе была подчеркнута условность понятия «ресенский говор арумынского языка».

Мы дали развёрнутое описание методики двух этапов нашего исследования – полевой работы в г. Ресен и фонетического анализа аудиозаписей, с приведением как в тексте работы, так и в приложениях скриншотов использованных нами программ. Кроме того, в приложениях размещена транскрипция двух отрывков из изученных нами записей.

В результате проведённого нами исследования выявлен и помещён в общетипологический и исторический контекст прежде всего инвентарь аффрикат, присутствующих в спонтанной речи информантов. Кроме того, мы установили наличие в ней двух фонетических процессов – выпадения или ослабления смычной фазы аффрикат и, напротив, аффрикации глухого переднеязычного смычного. Эти процессы являются типологически распространёнными в языках как индоевропейской, так и других семей. Однако

делать выводы о том, имеет ли место фонологическое изменение, мы не можем, так как у нас нет данных по аффрикатам исследуемых говоров в диахронии.

Перспектив дальнейшей работы достаточно много. Прежде всего, это установление связи замеченных нами фонетических явлений и явлений фонологии. Это может быть как исследование частного вопроса (фонологичны ли изменения, которым подвергаются аффрикаты), так и постановка общей проблемы места сложных звуков в фонологической системе языка. С этой проблемой тесно связаны, в частности, вопросы слогоделения и возможности проведения слоговой границы между фазами аффрикат и дифтонгов. Арумынское слогоделение практически не изучено, поэтому поле для возможной работы очень велико.

Далее, с психо- и социалингвистической точки зрения крайне любопытна проблема билингвизма. Исследовав второй языковой код информантов (в Турье это греческий, в Ресене македонский), можно проследить, влияет ли он на их арумынскую речь и если да, то каким образом.

Кроме того, мы можем провести аналогичные данному исследованию фонетики спонтанной речи на материале других арумынских диалектов, а также, в более широкой перспективе, других балканских языков, таким образом, привнеся вклад в разработку ареальной типологии фонетики спонтанной речи, очень мало на данный момент изученного типологического направления.

Список использованной литературы

1. Апушкина И. Е. Безударные гласные в спонтанном тексте // Проблемы социо- и психолингвистики / Выпуск 15. Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трёх поколений. К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн. Отв. ред. Е. В. Ерофеева. – Пермь: [б.и.], 2011. – С. 38–45.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966.
3. Бара М., Каль Т., Соболев А. Н. Южноарумынский говор села Турья (Пинд) // Materialien zum Südosteuropasprachatlas hrsg. von H. Schaller und A. N. Sobolev / В. IV. – München: Biblion Verlag, 2005.
4. Бондарко Л. В. Загадка спонтанной речи / Филология. Русский язык. Образование: Сборник статей, посвящённых юбилею профессора Л. А. Вербицкой. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – С. 41–50.
5. Бондарко Л. В. Языкознание и технический прогресс // Известия АН СССР. Серия литературы и языка / Т. XXXII. Вып. 3. – М.: АН СССР, 1973. – С. 255–260.
6. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А. Два аспекта прикладных исследований фонетики // Структурная и прикладная лингвистика. Межвузовский сборник / Вып. 2. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983. – С. 138–145.
7. Бондарко Л. В. Вербицкая Л. А., Зиндер Л. Р. Распознаваемые звуковые единицы русской речи и их соотношение с фонемами // Семинар по психолингвистике (30 мая–1 июня 1966). Тезисы докладов и сочинений. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1966. – С.: 29–30.

8. Бояджиев Т. Образуване на африкати от проходни съгласни в българските говори диалекти / Бояджиев Т. Книжовен език и диалекти. – София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2012а. – С. 294–297.
9. Бояджиев Т. Произход и дистрибуция на звучните африкати в българските диалекти / Бояджиев Т. Книжовен език и диалекти. – София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2012б. – С. 284–293.
10. Бухтилов Л. Д., Дегтярев Н. П., Лобанов Б. М. Об автоматическом выделении из речевого сигнала акустического признака «тон – не тон» // Грубник Н. А (глав. ред.) и др. Труды Акустического института / Выпуск XII. – М.: АИАН, 1970. – С. 17–20.
11. Венцов А. В., Грудева Е. В. Частотный словарь словоформ русского языка (проект). – Череповец: Издательство ЧГУ, 2008.
12. Венцов А. В., Касевич В. Б. Проблемы восприятия речи. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994.
13. Венцов А. В., Слепокурова Н. А. Об опыте создания фонетически аннотированного корпуса русской спонтанной речи // Фонетика сегодня: Материалы докладов и сообщений VI международной научной конференции 8–10 октября 2010 года. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2010. – С. 27–28.
14. Венцов А. В., Слепокурова Н. А. Фонетика русского звучащего текста и проблема моделирования процессов восприятия речи / Человек говорящий: исследования XXI века: коллективная монография. Под ред. Л. А. Вербицкой, Н. К. Ивановой. – Иваново: ФГБОУ ВПО «ИГХТУ», 2012. – С. 43–50.
15. Венцов А. В., Слепокурова Н. А., Снюгина Е. А. Особенности паузации спонтанного и прочитанного текстов // Анализ разговорной русской

- речи (АРЗ-2011): Труды пятого междисциплинарного семинара. – СПб.: ГУАП, 2011. – С. 27–32.
16. Вербицкая Л. А., Зиндер Л. Р. К вопросу о сочетаниях согласных в русской речи // Филологические науки, № 3 (51). – М.: Высшая школа, 1969. – С. 43–53.
17. Винцюк Т. К. Анализ, распознавание и интерпретация речевых сигналов. – М.: Рипол Классик, 1987.
18. Галунов В. И., Слепокурова Н. А. Метрическая модель восприятия речи // Семинар по психолингвистике (30 мая–1 июня 1966). Тезисы докладов и сочинений. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1966. – С.: 30–31.
19. Горлова А. А., Слепокурова Н. А. Редукция предупредительных компонентов словоформ в спонтанной речи // Анализ разговорной русской речи (АРЗ-2012): Труды шестого междисциплинарного семинара. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. – С. 15–20.
20. Григорян А. А. О характеристиках каналов для выделения группы гласных звуков и частоты второй форманты // Грубник Н. А. (глав. ред.) и др. Труды Акустического института / Выпуск XII. – М.: АИАН, 1970. С. 75–77.
21. Десницкая А. В. К изучению латинских элементов в лексике балканских языков / А. В. Десницкая (отв. ред.) и др. *Romano-Balcanica* (Вопросы адаптации латинского языкового элемента в балканском ареале): сборник научных трудов. – Л.: Наука, 1987. – С. 3–36.
22. Джозеф Б. Општа и локална дијалектологија на Балканот: Податоци од словенските јазици. – *Naučna diskusija*, Ohrid, 27.08.2007.
[http://www.ling.ohio-state.edu/~bjoseph/publications/Article186\(Eng\).pdf](http://www.ling.ohio-state.edu/~bjoseph/publications/Article186(Eng).pdf)
23. Жобов В. Звуковите в българския език. – София: ИК «СЕМА РИ», 2004.

24. Зиндер Л. Р. Влияние темпа речи на образование отдельных звуков // Учёные записки Ленинградского университета. Серия филологических наук / Вып. 69. Вопросы фонетики. Отв. ред. М. И. Матусевич. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1964. – С. 3–27.
25. Зиндер Л. Р. Некоторые принципиальные основы экспериментально-фонетических исследований // Экспериментально-фонетические исследования речи. Материалы межвузовского симпозиума (21–23 июня 1968 года). Вып. 2. – Минск: Вышэйшая школа, 1969. – С. 109–116.
26. Зиндер Л. Р. Общая фонетика / Л. Р. Зиндер. Общая фонетика и избранные статьи. Сост., вступ. ст. Л. В. Бондарко. – СПб; М: Филологический факультет СПбГУ; Академия, 2007.
27. Ивић П. Два главна правца развоја консонантизма у српскохрватском језику / П. Ивић. Расправе, студије, чланци. – Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижевница Зорана Стојановића, 1998. – С. 309–335.
28. Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. – М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999.
29. Клейнер Ю. А. Палатализация и умлаут в германских языках // Материалы конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения академика Виктора Максимовича Жирмунского. – СПб.: Наука, 2001. – С. 159–167.
30. Клейнер Ю. А. Языковые изменения и динамика языка / Филология. Русский язык. Образование: Сборник статей, посвящённых юбилею профессора Л. А. Вербицкой. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – С. 126–136.

31. Ковалёва Л. С. Артикуляция аффрикаты и смычного согласного // Русское языкознание: республиканский междумедомственный научный сборник / Вып. 14. – Киев: Вища школа, 1987. – С. 121–122.
32. Ковалёва Л. С. Развитие теории аффрикат Л. В. Щербы в экспериментально-фонетических исследованиях // Русское языкознание: республиканский междумедомственный научный сборник / Вып. 14. – Киев: Вища школа, 1985. – С. 127–133.
33. Кузнецов С. А. (гл. ред.) Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 1998.
34. Кузьменко Ю. К. Диахроническая фонология аффрикат в германских языках // Вопросы языкознания, № 4. – М.: Наука, 1969. – С. 45–55.
35. Кузьменко Ю. К. История шведских аффрикат. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Л.: Институт языкознания АН СССР, Ленинградское отделение, 1970а.
36. Кузьменко Ю. К. Определение различительного признака аффрикат // Лингвистические исследования. Отв. ред. С. Д. Кацнельсон. – Л.: Институт языкознания АН СССР, Ленинградское отделение, 1970б. – С. 114–124.
37. Кузьмина Е. В. Принцип языковой экономии в спонтанной письменной форме речи (на материале испаноязычных текстов социальных сетей Facebook, Twitter, Tuenty) // Современная коммуникативистика / Т. 5, вып. 1. – М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2016. – С. 29–32.
38. Лиак-Ановска, К. Влашките народни приказни од Источна Македонија. – Скопје: Институт за фолклор «Марко Цепенков», 2007.
39. Лиак-Ановска, К. Влашките народни приказни од Крушево. – Скопје: Институт за фолклор «Марко Цепенков», 2002.

40. Лиакучи-Ановска, К. Социјално-фолклорни интеракции во влашкото семејство. – Скопје: Институт за фолклор «Марко Цепенков», 2000.
41. Лухт Л. И., Нарумов Б. П. Румынскиот јазик // Јазики на светот. Ред. колл. Т. Ју. Жданова, А. А. Кибриќ, Н. В. Рогова, О. И. Романова / Романски јазики. – М.: Academia, 2001. – С. 574–636.
42. Марковиќ М. Ароманскиот и македонскиот говор од Охридско-Струшкиот регион во балкански контекст. – Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2007.
43. Нарумов Б. П. Арумынскиот јазик/диалект // Јазики на светот. Ред. колл. Т. Ју. Жданова, А. А. Кибриќ, Н. В. Рогова, О. И. Романова / Романски јазики. – М.: Academia, 2001а. – С. 636–656.
44. Нарумов Б. П. Истрорумынскиот јазик/диалект // Јазики на светот. Ред. колл. Т. Ју. Жданова, А. А. Кибриќ, Н. В. Рогова, О. И. Романова / Романски јазики. – М.: Academia, 2001б. – С. 656–671.
45. Нарумов Б. П. Мегленорумынскиот јазик/диалект // Јазики на светот. Ред. колл. Т. Ју. Жданова, А. А. Кибриќ, Н. В. Рогова, О. И. Романова / Романски јазики. – М.: Academia, 2001в. – С. 671–681.
46. Нигматулина Ју. О. Стяжения звуков и сегментација звучејќи речи // Проблеми јазика: Сборник научних статей по материјали на Првата конференција-школа «Проблеми јазика: поглед на младите ученици». – М.: ИЯ РАН, 2012. – С. 204–212.
47. Поленаковиќ Х. Турските елементи во ароманскиот / Превод од српскохрватски В. Лаброска. – Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2007.
48. Раева О. В., Риехакајнен Е. И. Редуцираните зборовни форми и предсказателната сила контекста // Проблеми јазика: Сборник научних статей по материјали на Втората конференција-школа «Проблеми јазика: поглед на младите ученици». – М.: ИЯ РАН, 2013. – С. 296–306.

49. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. — М.: Просвещение, 1976.
50. Савицка И. Фонетските проблеми во ареалната лингвистика (врз основа на јазичната ситуација во Југоисточна Европа) / Превод од полски В. Лаброска. — Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2014.
51. Слепокурова Н. А. Прочитанная и спонтанная речь: сходство и различия // Проблемы порождения и восприятия речи: Материалы XI выездной школы-семинара (7–8 декабря 2012 г., г. Череповец) / Отв. ред. Р. Л. Смулаковская. — Череповец: ЧГУ, 2013. — С. 54–62.
52. Соболев А. Н. Греческое грамматическое влияние на современный южноарумынский говор Пинда // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова / Ред. колл. Т. Н. Свешникова, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. — М.: Индрик, 2007. — С. 201–209.
53. Соболев А. Н. Основы лингвокультурной антропогеографии Балканского полуострова / Т. I. Homo balcanicus и его пространство. — СПб; München: Наука; Verlag Otto Sagner München, 2013.
54. Соболев А. Н., Русаков А. Ю. (отв. ред.) Актуальные вопросы балканского языкознания: материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 29–30 мая 2001 г.). — СПб.: Наука, 2001.
55. Сухачёв Н. Л. Латинская речь на Балканах // Десницкая А. В. (отв. ред.) и др. Основы балканского языкознания. Языки балканского региона / Ч. 1 (новогреческий, албанский, романские языки). — Л.: Наука, 1990а. — С. 125–140.
56. Сухачёв Н. Л. Румынский язык // Десницкая А. В. (отв. ред.) и др. Основы балканского языкознания. Языки балканского региона / Ч. 1

- (новогреческий, албанский, романские языки). – Л.: Наука, 1990б. – С. 141–182.
57. Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник / Кн. 3. – Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923. – С. 107–124.
58. Трубецкой Н. С. Письмо к Р. О. Якобсону от 30.03.1923 / Письма и заметки Н. С. Трубецкого. Вступ. ст. В. Н. Топорова, подгот. к изд. Р. О. Якобсона, Х. Барана, О. Ронена, М. Тейлор, пер. с англ. В. А. Плунгяна, Д. А. Паперно, Д. В. Сичинавы. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 48.
59. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / Пер. с нем. А. А. Холодовича; под ред. С. Д. Кацнельсона. – М.: Аспект Пресс, 2000.
60. Трунин-Донской В. Н., Цемель Г. И. Опознавание гласных звуков по клиппированному речевому сигналу // Проблемы передачи информации / Т. 4, вып. 2. – М.: Наука, 1968. – С. 62–71.
61. Фант Г. Акустическая теория речеобразования / Пер. с англ. Л. А. Варшавского и В. И. Медведева, под ред. В. С. Григорьева. – М.: Наука, 1964.
62. Харламова А. В. Опыт фонетического анализа арумынской спонтанной речи // XVIII Международная конференция студентов-филологов СПбГУ, Санкт-Петербург, 6–11 апреля 2015 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. Д. Н. Чердаков. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. – С. 214–215.
63. Черняк А. Б. Арумынский язык // Десницкая А. В. (отв. ред.) и др. Основы балканского языкознания. Языки балканского региона / Ч. 1 (новогреческий, албанский, романские языки). – Л.: Наука, 1990. – С. 192–220.

64. Черняк А. Б. Византийские свидетельства о романском (романизованном) населении Балкан V–VII вв. // Византийский временник / Т. 51. – М.: Наука, 1991а. – С. 132–141.
65. Черняк А. Б. К вопросу о прародине румын / Албанская филология, балканистика, проблемы языкознания. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Агнии Васильевны Десницкой. – СПб.: Наука, 2013. – С.: 240–259.
66. Черняк А. Б. Кекавмен о происхождении влахов // Материалы V Международного конгресса по фракологии / Ред. Л. Гиндин и др. – М.: Association Terra Antiqua Balcanica, 1991б. – С.: 255–263.
67. Черняк А. Б. Языковая ситуация в Римской империи: свидетельства древних авторов и раннероманских глоттонимов. – СПб.: Нестор-История, 2015.
68. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике / Т. 1. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1958.
69. Ярцева В. Н. (гл. ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
70. Μποϊατζής Μ. Γ. Γραμματική Ρομανική ήτοι Μακεδονοβλαχική. – Βιέννη: Η τυπογραφία του Ιωαννου Σινυερου, 1813 (параллельный текст на греческом и немецком).
71. Alkire T., Rosen C. Romance Languages: A Historical Introduction. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
72. Apetroaie V. Ethnicity Online: The negotiation of sociocultural identity in the online environment among Aromanian youth. A Romanian perspective. – Master Thesis, submitted to obtain the degree of MS in Social and Cultural Anthropology, academic year 2012–2013. Leuven: University of Leuven, 2013.

73. Atanasov P. Aromunisch // Lexikon der Sprachen des Europäischen Ostens. WEEÖ, Bd. 10 / Übersetzt aus dem Makedonischen von P. Rau. – Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002. – S. 77–82.
74. Bardu N. Eighteenth Century Aromanian Writers: the Enlightenment and the Awakening of National and Balkan Consciousness // Philologia Jassyensia, An III, Nr. 1. – Iași: Asociația culturală “A. Philippide”, 2007. – P. 93–102.
75. Berns J. The Phonological Representation of Affricates // Language and Linguistics Compass. T. 10, issue 3. – Wiley Online Library, 2016. – P. 142–156.
76. Berns J. A Typological Sketch of Affricates // Linguistic Typology, 18 (3). – Berlin: Mouton de Gruyter, 2014. – P. 369–411.
77. Brosnahan L. The Affricates of the High German Consonant Shift // Neophilologus / Vol. 43, issue 1. – Alphen aan den Rijn: Kluwer Academic Publishers, 1959. – P. 112–123.
78. Buttler J. The Formation and Acoustic Structure of Affricates // Acta Linguistica Scientiarum Hungaricae, T. XIV, fasc. 3–4 / Red. J. Németh. – Budapest: Akadémiai kiadó, 1964. – P. 263–273.
79. Capidan Th. Aromânii. Dialectul aromân. – București: Imprimeria națională, 1932.
80. Caragiu-Marioțeanu M. Compendiu de dialectologie română (nord- și sud-dunăreană). – București: Editura științifică și enciclopedică, 1975.
81. Caragiu-Marioțeanu M. Din fonologia istorică a aromânei (silabele dechise) / I. Iordan (ed.) et al. Omagiu lui Alexandru Rosetti la 70 de ani. – București: Editura academiei republicii socialiste România, 1965. – P. 111–114.
82. Caragiu-Marioțeanu M. Influența dacoromână asupea graiului unei familii aromîne din R. P. R. // Fonetică și dialectologie / Vol. 1. Red. Al. Rosetti. – București: Editura academiei republicii populare romîne, 1958. – P. 79–112.

83. Carrera-Sabaté J. Affricates in Lleidatà: A sociophonetic case study / J. N. Stanford, D. R. Preston (ed.). Variations in Indigenous Minority Languages. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. – P. 77–108.
84. Chitoran I. The Phonology of Romanian: A Constraint-Based Approach // Studies in Generative Grammar, 56 / Ed. by H. van der Hulst, H. van Riemsdijk, J. Koster. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2001.
85. Curtis M. *Xhorxh*, *xhuxhmaxhuxh* and the *xhaxhallarë*: The Xenophonemic Status of Albanian /xh/ // Balcanistica / Vol. 23. Ed. by D. Dyer. – Starkville: Mississippi State University, 2010.
86. Dahmen W. Selbstbezeichnung und Fremdbenennung der Aromunen // Balkan-Archiv, Neue Folge / Bd. 7. – Berlin: Lehmann, 1982. – S. 207–214.
87. Dahmen W. Zur Typologie der süddanubischen Rumänität – Istrorumänisch, Aromunisch und Meglenorumänisch im Spannungsfeld zwischen Romanität und Balkanität // Balkan-Archiv, Neue Folge / Bd. 17/18. – Berlin: Lehmann, 1992/1993. – S. 125–134.
88. Dahmen W., Kramer J. Dialektologische Forschungen bei den Aromunen im Jahre 1976 // Balkan-Archiv, Neue Folge / Bd. 1. – Berlin, Lehmann, 1976. – S. 7–78.
89. Droysen G. Allgemeiner historischer Handatlas in 96 Karten mit erläuterndem Text. – Bielefeld: Velhagen & Klasing, 1886.
90. Ernst E., Gleßgen M.-D., Schmitt C., Schweikard W. (hrsg. von). Romanische Sprachgeschichte. Ein internationales Handbuch zur Geschichte der romanischen Sprachen / 3. Teilband. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2006.
91. Friedman V. After 170 Years of Balkan Linguistics: Whither the Millennium? // Mediterranean Language Review. Issue 12 / Ed. by M. Erdal,

- W. Arnold, V. Friedman and J. Niehoff-Panagiotidis. – Wiesbaden: Hassarowitz Verlag, 2000. – P. 1–15.
92. Friedman V. The Vlah Minority in Macedonia: Language, Identity, Dialectology, and Standardization // *Studia Helsingiensia*, 21 / *Papers in Slavic, Baltic, and Balkan Studies*. – Helsinki: Yliopistopaino, 2001. – P. 26–50.
  93. Gica A. The Recent History of the Aromanians from Romania // *New Europe College Yearbook 2008–2009* / Ed. by I. Vainovski-Mihai. – Bucharest: New Europe College, 2009. – P. 173–200.
  94. Gołąb Z. The Arumanian dialect of Kruševo in SR Macedonia, SFR Yugoslavia. – Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts, 1984.
  95. Guion S. The Role of Perception in the Sound Change of Velar Palatalization // *Phonetica* / Vol. 55, № 1–2. Ed. C. Best. – Basel; New York: S. Karger, 1998. – S. 18–52.
  96. Gut U. Introduction to English Phonetics and Phonology. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009.
  97. Hock H. H., Joseph B. J. Language History, Language Change, and Language Relationship: An Introduction to Historical and Comparative Linguistics // *Trends in Linguistics. Studies and Monographs*, 218. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2009.
  98. Holzer G. Glasovni rasvoj hrvatskoga jezika. – Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2011.
  99. Hu, G., Wang D. L. Separation of Fricatives and Affricates // *Acoustics, Speech, and Signal Processing*, 2005. Proceedings. IEEE International Conference / Vol. 1. – Piscataway: IEEE Press, 2005. – P. 1001–1004.
  100. Hualde J. On Basque Affricates // *Proceedings of the West Coast Conference on Formal Linguistics* / Ed. by M. Crowhurst. Vol. 6. – Stanford: The Stanford Linguistics Association, 1987. – P. 77–90.

101. Joseph B. Broad vs. Localistic Dialectology, Standard vs. Dialect: The Case of the Balkans and the Drawing of Linguistic Boundaries // *Language Variation – European perspectives II: Selected papers from the 4th International Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE 4)*, Nicosia, June 2007 / Ed. by S. Tsiplakou, M. Karyolemou, P. Pavlou. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2009. – P. 119–143.
102. Joseph B., Lee G. Greek ts/dz as Internally Complex Segments: Phonological and Phonetic Evidence // *Ohio State University Working Papers in Linguistics*. – Columbus: Ohio State University, 2010. P. 1–9.
103. Kahl T. Για την ταυτοτητα των Βλαχων. Εθνοπολιτισμικες προσεγγισεις μιας βαλκανικης πραγματικοτητας / Μεταφραση: Στεφανος Μπολασικης. Αθηνα: Βιβλιοραμα, 2009.
104. Kahl T. The Ethnicity of Aromanians after 1990: The Identity of a Minority that Behaves like a Majority // *Ethnologia Balcanica*, ed. by K. Roth / №6. – Sofia; Münster: Prof. Marin Drinov Academic Publishing House; Waxmann Verlag, 2002. – P. 145–170.
105. Kázmér M. Bemerkungen zur Methodik der Untersuchung von Affrikaten // *Acta Linguistica Scientiarum Hungaricae* / T. XI, fasc. 3–4. Red. J. Németh. – Budapest: Akadémiai kiadó, 1961. S. 387–404.
106. Kehrein W. Phonological Representation and Phonetic Phasing: Affricates and Laryngeals // *Linguistische Arbeiten*, hrsg. von H. Altmann, P. Blumenthal, H. J. Heringer, I. Plag, H. Vater und R. Wiese. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2002.
107. Kohler K. Articulatory Reduction in German Spontaneous Speech // *First ETRW on Speech Production Modeling*. – Atrants: ISCA, 1996. – P. 89–92.
108. Kopitar J. Albanische, walachische u. bulgarische Sprache // *Jerneja Kopitara Spisov / 2 knjiga. Prired. R. Nahtigal*. – Ljubljana, 1945. – S. 227–273.

109. Kramer J. Rumänische Areallinguistik II. Aromunisch // Lexikon der romanistischen Linguistik, hrsg. von G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt / Bd. III. – Berlin: Walter de Gruyter, 1991. – S. 423–435.
110. Kümmel M. J. Konsonantenwandel: Bausteine zu einer Typologie des Lautwandels und ihre Konsequenzen für die vergleichende Rekonstruktion. – Wiesbaden: Reichert Verlag, 2007.
111. Labov W. On the Mechanism of Linguistic Change // Monograph Series on Language and Linguistics, № 18 / Ed. by C. Kreidler. – Washington, D. C.: Georgetown University Press, 1965. – P. 91–114.
112. Lazarou A. Aroumain “Bana”, est-il un héritage aborigène? // Balkan Studies / Vol. 29. № 2. – Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1988. – P. 309–340.
113. Lazarou A. La singularité des Aroumains dans leur poésie populaire // Balkan Studies / Vol. 28. № 2. – Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1987. – P. 373–389.
114. Leinonen M. Finnish and Russian as they are spoken: From linguistic to cultural typology // Scando-Slavica / Vol. 31, issue 1. – New York; Abingdon-Thames: Routledge; Association of Nordic Slavists and Baltologists, 1985. – P.: 117–144.
115. Lindenbauer P. Die Entwicklung der rumänischen Hochsprache / Rumänien. Raum und Bevölkerung. Geschichte und Geschichtsbilder. Kultur. Gesellschaft und Politik heute. Wirtschaft. Recht. Historische Regionen, red. von T. Kahl, M. Metzeltin, M.-R. Ungureanu. – Wien; Berlin: Lit Verlag, 2006. – S. 339–355.
116. Loporcaro M. Phonological Processes / Maiden M., Smith J.-C., Ledgeway A. The Cambridge History of the Romance Languages. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – P. 109–154.

117. Luschützky H. C. Zur Phonologie der Affrikaten. – Frankfurt am Main: Hector, 1992.
118. Malmberg B. Note sur l’articulation du [s] et le traitement de l’affriquée [ts] en roman occidental / Omagiu lui Iorgu Iordan cu prilejul împlinirii a 70 de ani. – Bucureşti: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1958. P. 543–545.
119. Melikischwili I. G. Einige universale Gesetzmäßigkeiten in dem System der Affrikaten // Theoretical Problems of Typology and the Northern Eurasian Languages / Ed. by L. Dezső and P. Hajdú. – Budapest: Akadémiai kiadó, 1970. – P. 65–73.
120. Meyer-Lübke W. Grammatik der Romanischen Sprachen / 1. Band: Lautlehre. – Leipzig: Fues’s Verlag (R. Reisland), 1890.
121. Miklosich Fr. Die slavischen Elemente im Rumunischen. – Wien: Die kaiserlich-königliche Hof- und Staatsdruckerei, 1861.
122. Mikropoulos T. Elevating and Safeguarding Culture Using Tools of the Information Society: Dusty Traces of the Muslim Culture. – Ioannina: EARTHLAB, 2008.
123. Minissi N., Kitanovski N., Cinque N. Фонетика на македонскиот јазик. – Napoli: Bibliopolis, 1982 (параллельный текст на македонском, английском и итальянском).
124. Minov N. The Aromanians and IMRO // Macedonian Historical Review / Vol. 2. – Skopje: University of Ss. Cyril and Methodius, 2011. – P. 181–200.
125. Minov N. The War of Numbers and its First Victim: The Aromanians in Macedonia (End of 19th – Beginning of 20th century) // Macedonian Historical Review / Vol. 3. – Skopje: University of Ss. Cyril and Methodius, 2012. – P. 153–192.
126. Mutavdžić P. On the Former and Present Status of the Aromanian Language in the Balkan Peninsula and in Europe // Komunikacija i kultura

- online, godina 1, broj 1. – Belgrade: Univerzitet u Beogradu, 2010. – P. 146–161.
127. Nedelkov J. L. The Ethnic Code of the Vlachs at the Balkans // *EthnoAnthropoZoom*. №6 / Ed. A. Svetieva. – Skopje: St. Cyril and Methodius University, 2009.
  128. Nevaci M. Graiul aromânilor fărșeroți din Dobrogea. – București: Editura Universitară, 2011.
  129. Nevaci M. Identitate românească în context balcanic. – București: Editura Muzeului Național al Literaturii Române, 2013.
  130. Nevaci M. Sisteme de scriere în dialectul aromân (cu referire la scrierile din secolul al XVIII-lea) // *Limba română: diacronie și sincronie în studiul limbii române* / Vol. 1: Gramatică. Fonetică și fonologie. Istoria limbii române, filologie. Ed. R. Zafiu, A. Dragomirescu, A. Nicolae. – București: Editura Universității din București, 2014. – P. 297–302.
  131. Nevaci M. Ternary Deictic System in Aromanian // *Dialectologia et Geolingustica* / Vol. 2007, Issue 15. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. – P. 71–76.
  132. Nisioi S. On the syllabic structures of Aromanian // 14th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics: Proceedings of the 8th Workshop on Language Technology for Cultural Heritage, Social Sciences, and Humanities (LaTeCH). – Göteborg: The Association for Computational Linguistics, 2014. – P. 110–118.
  133. Odé C. Russian Intonation: A Perpetual Description, Vol. 1 // *Studies in Slavic and General Linguistics* / Vol. 13. – Amsterdam; Atlanta GA: Brill, 1989.
  134. Papahagi T. Dicționarul dialectului aromân general și etimologic. Ediția a doua augmentată. – București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1974.

135. Papari A. C. Aspecte identitare ale populației multietnice din Dobrogea, în contextul globalizării: studiu antropologic pe populația aromână. – București: Editura Muzeului Național al Literaturii Române, 2013.
136. Paradis C., Prunet J.-F. (ed.) *Phonetics and Phonology. The Special Status of Coronals: Internal and External Evidence / Vol. 2.* – San Diego: Academic Press Inc., 1991.
137. Poci S. *Balkan Features of Aromanian Language // European Scientific Journal / Vol. 21.* – Ponta Delgada: European Scientific Institute, 2011. – P. 55–60.
138. Pulgram E. *Syllable, word, nexus, cursus.* – Paris: Mouton, The Hague, 1970.
139. Rothe W. *Einführung in die historische Laut- und Formenlehre des Rumänischen.* – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1957.
140. Ruzica M. *The Balkan Vlachs/Aromanians: Awakening, National Policies, Assimilation.* – ASN Conference “Globalization, Nationalism and Ethnic Conflicts in the Balkans and Its Regional Context”, Belgrade, 28–30.09.2006.
141. Saramandu N. *Harta graiurilor aromâne și meglenoromâne din Peninsula Balcanica // Studii și cercetări lingvistice. Anul XXXIX, br. 3.* – București: Institutul de Lingvistică al Academiei Române „Iorgu Iordan – Al. Rosetti”, 1988. – P. 225–245.
142. Saramandu N., Nevaci M. *Sinteze de dialectologie română.* – București: Editura Universitară, 2013.
143. Schlösser R. *Historische Lautlehre des Aromunischen von Metsovon // Balkan-Archiv, Neue Folge / Bd. 3.* – Berlin: Lehmann, 1985.
144. Schrijver P. *Language Contact and the Origins of the Germanic Languages.* – New York; Abingdon-on-Thames: Routledge, 2014.

145. Schroeder M., Strube H. W. Acoustic Measurements of Articulator Motions // *Phonetica* / Vol. 36, № 4–5. Ed. K. Kohler. – Basel; New York: S. Karger, 1979. – S. 302–313.
146. Sievers E. Grundzüge der Lautphysiologie: zur Einführung in das Studium der Lautlehre der indogermanischen Sprachen. – Leipzig: Druck und Verlag von Breitkopf und Härtel, 1876.
147. Stier, H.-E. Westermanns Großer Atlas zur Weltgeschichte. – Braunschweig: Westermann, 1956.
148. Šatava L. The Ethnolinguistic Situation of the Aromanians (Vlachs) in Macedonia: Young People in Krusevo as Indicators of Ethnic Identity and Attitude to the Language // *Journal of Ethnic Studies*, №71. – Ljubljana: Institut za narodnostna vpražanja, 2013. – P. 5–26.
149. Thunmann J. Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. – Leipzig: Siegfried Crusius, 1774.
150. Trifon N., Beis S., Kahl T. Les Aroumains: un peuple qui s'en va. – Paris: Editions Acratie, 2005.
151. Tserdanelis G., Joseph B. On the Phonetic Description and IPA Notation of Affricates. Poster presented at the Stony Brook State University of New York, 2015.
152. Ward W. Understanding Spontaneous Speech // HLT '89 Proceedings of the workshop on Speech and Natural Language. – Stroudsburg, PA: Association for Computational Linguistics, 1989. – P. 137–141.
153. Weigand G. Die Aromunen. Ethnographisch-philologisch-historische Untersuchungen über das Volk der sogenannten Makedo-Romanen oder Zinzaren / Bd. 1. Land und Leute. – Leipzig: Johann Ambrosius Barth, 1895.
154. Weigand G. Die Aromunen. Ethnographisch-philologisch-historische Untersuchungen über das Volk der sogenannten Makedo-Romanen oder

- Zinzaren / Bd 2. Volkslitteratur der Aromunen. – Leipzig: Johann Ambrosius Barth, 1894.
155. Weijer J. van de. Basque affricates and the Manner-Place dependency // *Lingua* / Vol. 88, № 2. Ed. J. Rooryck. – Amsterdam: Elsevier, 1992. – P. 129–147.
156. Weijer J. van de. Segmental structure and complex segments. – Tübingen: Niemeyer, 1996.
157. Žygis M., Fuchs S., Koenig L. L. Phonetic explanations for the infrequency of voiced sibilant affricates across languages // *Laboratory Phonology*, № 3. – Berlin: Walter de Gruyter, 2012. – P. 299–336.
158. Официальный сайт Государственного статистического управления Республики Македония. Перепись населения 2002 г. <http://www.stat.gov.mk/Publikacii/knigaX.pdf> (дата обращения – 16.05.2016)
159. Официальный сайт «Македорумынского совета» <http://makedonarman-council.org> (дата обращения – 16.05.2016)
160. Страница арумынского языка в базе данных Ethnologue <http://www.ethnologue.com/language/rup> (дата обращения – 16.05.2016)
161. Страница арумынского языка в базе данных Glottolog <http://glottolog.org/resource/languoid/id/arom1237> (дата обращения – 16.05.2016)
162. База данных PHOIBLE Online <http://phoible.org/> (дата обращения – 16.05.2016)
163. Официальный сайт базы данных UPSID <http://web.phonetik.uni-frankfurt.de/upsid.html> (по состоянию на 16.05.2016)

Приложения

Приложение 1. Арумынские алфавиты

1. По [Kopitar 1945 (1829): 240]

Под Dacier подразумеваются дакорумыны, под Macedonier – арумыны.

Walachisches Lautsystem.														
Zu pag. 72 (tu 240)														
Figur.	Entsprechender Laut		Latinisirende Substitutionsversuche											
			der Dacier.											
	im klass. Latein.	in den neueren Sprachen.	P. Pilotto, 1677 (gl. str. 244)	Klein u. Sinkel, 1780.	1805.	Sulzer, 1781.	Molnar, 1788.	Körösi, 1805.	Marki, 1820.	Clemens, 1823.	Lexikon, 1823.	Lexikon, 1823.	Alexi, 1826.	Rosa, 1809.
S i e b e n V o k a l e:														
1	a	a	a	á, au	á	a	a	a	a	a	a	a	a	a
2	e	e	e	ē	e	e	e	e	e	e	e	e	e	e
3	i, ī	i	i	i, e	i	i	i	i	i	i	i, ei	i	i	i, ē
4	o, w	o	o	o, u, ou	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o
5	oy, ſ	ital. u	u	u	u	u	u	u	u	u	u	u	u	u
6	z	franz. e muet	a, i	a	e	e	a, à etc.	ä	e, a, u	a	a', e', i', o', u'	a', e', i', o', u'	ä, è, i, ò, ù	ä
7	ж	noch dumpfer	i, e, u, o	a, e	ä, è, i	ü	œ	ä, è, i, ò, ù	ü sehr tief	e, i, u	a	—	ä, è, i, ò, ù	—
S e c h s u n d z w a n z i g K o n s o n a n t e n:														
8	b	b	b	b	b	b	b	b	b	b	b	b	b	b
9	v	v	v	v	v	v	v	v	v	v	v	v	v	v
10	g	g	g, k	g	g	g	g	g	g	g	g	g	g	g, gh
11	d	d	d	d	d	d	d	d	d	d	d	d	d	d
12	ж	franz. j	s	j	j	schgelind	sch	g, j	zsch	's	ds, j	j	j	j
13	z	ital. z: zelo	dz	—	—	—	—	dz	—	—	—	—	—	z
14	z	franz. z	z	z, d	z	s	s	z, d	z	z	d	d	d	z
15	k, q	k	k	c, qu	o, qu	k	k	k, qu	k	k	c, qu	c, qu	c, qu	c, k
16	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l
17	m	m	m	m, g	m	m	m	m, g	m	m	m	m	m	m
18	n	n	n	n	n	n	n	n	n	n	n	n	n	n
19	p	p	p	p, c	p	p	p	p, c	p	p	p	p	p	p
20	r	r	r	r, l'	r	r	r	r	r	r	r	r	r	r
21	s	s, ss, ç	s, fs	s, ss	s, ss	fs, s	fs	ss	s, fs	sz	f	s	s	s
22	t	t	t	t, c	t	t	t	t, c	t	t	t, th	t	t, c	t
23	f	f	f	f	f	f, ph	f	f	f	f	f	f	f	f
24	ch	deutsch ch, h	k	ch, c	h	ch	ch, h	ch, h	ch	ch, h	h	h	h	h
25	tz	deutsch z, tz	c, tz	ç, ti	ç, ti	z	t	tz, z	tz	c, ti	c, t	ti	c, qu	ç
26	ch	ital. c: ciò	ci, ce, ch, zc	c	c	tsch, ce	tsch	c	tsch	ts	c	c, qu	c, qu	cs
27	sch	deutsch sch	sz, ss, s, sc	s	f, fh	sch	sch	's, s	sch	s	s	sc	s, ç	sh
28	g	ital. g: già	dz, ce, ds	g	g	dsch	dsch	g	dsch	ds	g	g	g	j
29	j in ja, jo, ja	deutsch j	i	i, l	i	j, i	i	j, ll	j	y	i	i	i	j
30	ill	franz. ill	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	lj
31	gn	franz. gn	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	nj
32	d'	böhm. d'	—	—	—	—	—	—	—	gy	—	—	—	gj
33	h	böhm. t'	—	—	—	—	—	—	—	ty	—	—	—	—
Ein Schrift-Compendium für die Nasalsylbe in:														
34	in	franz. in	en, in	in	in	en, ong	é, én	—	ün sehr tief	en, n	in	in	in	in

TRANSCRIEREA FONETICĂ

În redarea cuvintelor am utilizat sistemul de notare din *Atlasul lingvistic român*, preluat – cu unele completări – de colaboratorii *Noului Atlas lingvistic român (pe regiuni)* și ai *Arhivei fonogramice a limbii române*. Câteva semne au fost introduse noi.

<i>a</i>	= cea mai deschisă vocală din seria centrală (<i>a – ă – î</i>)
<i>â</i>	= cea mai deschisă vocală din seria posterioară (<i>â – o – u</i>)
<i>ä</i>	= cea mai deschisă vocală din seria anterioară (<i>ä – e – i</i>)
<i>ɑ</i>	= <i>a</i> închis (între <i>a</i> și <i>ä</i>)
<i>ǎ</i>	= vocală cu deschidere mijlocie din seria centrală (<i>a – ă – î</i>)
<i>ǣ</i>	= <i>ă</i> deschis (între <i>ă</i> și <i>ɑ</i>)
<i>ǡ</i>	= <i>ă</i> închis (între <i>ă</i> și <i>â</i>)
<i>ǻ</i>	= <i>ă</i> scurt
<i>ẫ</i>	= vocală din seria centrală, între <i>ă</i> și <i>î</i> , mai aproape de <i>î</i>
<i>â̂</i>	= <i>â</i> scurt
<i>b</i>	= consoană oclusivă bilabială sonoră
<i>c</i>	= consoană oclusivă velară surdă
<i>ċ</i>	= consoană africată palato-alveolară surdă moale
<i>č</i>	= consoană africată palato-alveolară surdă dură
<i>d</i>	= consoană oclusivă dentală sonoră
<i>ɖ</i>	= consoană africată alveolară sonoră
<i>ð</i>	= consoană fricativă interdentală sonoră

e	= vocală cu deschidere mijlocie din seria anterioară
ɛ	= e semivocalic
ɛ̃	= e deschis (între e și ɤ)
ɛ̞	= e închis (între e și i)
ẽ	= vocală centrală cu nuanță anterioară (între ă și e)
ẽ̃	= ẽ deschis (între ẽ și ɛ̃)
f	= consoană fricativă labiodentală surdă
g	= consoană oclusivă velară sonoră
ḡ	= consoană africată alveolo-palatală sonoră moale
ḡ̃	= consoană africată palato-alveolară sonoră dură
ḡ̃̃	= consoană oclusivă palatală sonoră
ɣ	= consoană fricativă velară sonoră
ɣ̃	= consoană fricativă palatală sonoră
h	= consoană fricativă velară surdă
ɦ	= consoană fricativă laringală sonoră
ħ	= consoană fricativă palatală surdă
i	= vocala cea mai închisă din seria anterioară
ĩ	= i deschis
ĩ̃	= i scurt
ĩ̃̃	= i semivocalic
î	= vocala cea mai închisă din seria centrală
ĩ̃̃̃	= î scurt
ĩ̃̃̃̃	= vocala centrală cu nuanță anterioară (între î și i)
j	= consoană fricativă prepalatală sonoră
ʃ	= j muiat
k	= consoană oclusivă velară surdă, identică cu c; semnul se întrebuințează înaintea vocalelor din seria anterioară (ex.: kept ^u „piept”, la moscopoleni)

k	= consoană oclusivă velară palatală surdă
l	= consoană lichidă laterală alveolară
l̥	= consoană lichidă laterală palatală
ɫ	= consoană lichidă laterală velară
m	= consoană oclusivă nazală bilabială
ɱ	= consoană nazală labiodentală cu ocluziune incompletă, urmată de <i>f, v</i>
n	= consoană oclusivă nazală dentală
ɲ	= consoană oclusivă nazală ușor palatalizată
ɳ	= consoană oclusivă nazală palatală
ɳ̥	= consoană nazală cu ocluziune incompletă, urmată de consoane fricative și lichide
ŋ	= consoană oclusivă nazală velară, urmată de <i>c(k), g</i>
o	= vocală cu deschidere mijlocie din seria posterioară
ɔ	= <i>o</i> semivocalic
ɔ̞	= <i>o</i> deschis (între <i>o</i> și <i>ɔ̝</i>)
ɔ̝	= <i>o</i> închis (între <i>o</i> și <i>u</i>)
p	= consoană oclusivă bilabială surdă
r	= consoană lichidă vibrantă apicală-alveolară
ṛ	= <i>r</i> cu mai multe vibrații
ɹ	= <i>r</i> uvular
ṛ̥	= <i>ɹ</i> cu mai multe vibrații
s	= consoană fricativă alveolară surdă
ʃ	= consoană fricativă prepalatală surdă
ʂ	= <i>ʃ</i> muiat
t	= consoană oclusivă dentală surdă
θ	= consoană fricativă interdentală surdă
ʈ	= consoană africată alveolară surdă
u	= vocala cea mai închisă din seria posterioară

û	= vocală închisă din seria posterioară (între <i>u</i> și <i>â</i>)
ȳ	= <i>u</i> scurt
ỵ̄	= <i>u</i> semivocalic
v	= consoană fricativă labiodentală sonoră
w	= consoană fricativă bilabială sonoră
y	= consoană fricativă palatală sonoră (între <i>ȳ</i> și <i>ỵ̄</i>)
z	= consoană fricativă alveolară sonoră
ʒ	= consoană fricativă alveolară sonoră (între <i>z</i> și <i>ʒ</i>)

SEMNE DIACRITICE

ˈ	= (deasupra unei vocale sau a unui diftong) accent principal: <i>cásă, lucrú, pátru</i>
˘	= (deasupra unei vocale) accent secundar: <i>pàtruđăț</i> „patruzeci”
–	= (deasupra unei vocale sau a unei consoane lichide) lungime: <i>máre</i> „mare”, <i>Duṁiđă</i> „Dumnezeu”
<	= (deasupra unei vocale) scurtime: <i>fúđim</i> „plecăm”
◦	= (sub consoane) silabism
~	= (deasupra unei vocale) nazalitate: <i>ĩsí</i> „ieși”
	= (sub vocale sau consoane sonore) asurzire: <i>ỵ̄, ỵ̣̄</i>
.	= (sub vocale) închidere: <i>ỵ̄, ỵ̣̄</i>
.	= (sub vocale) închidere mai mare: <i>ỵ̣̣̄</i>
˘	= (sub vocale) deschidere: <i>ỵ̣̣̣̄</i>
^	= (sub vocale) arată că vocala este elementul consonantic al unui diftong: <i>ỵ̣̣̣̄pi</i> „viespe”, <i>ỵ̣̣̣̄u</i> „iau”

- " = (deasupra unei vocale) accent de intensitate: *nû pot* „nu pot”
- + = (sub o nazală) articulația incompletă: *îveț* „învăț”, *îfaș* „înfăș”
- î, â, ȳ etc. = sunete slab perceptibile
- î̇, ȳ̇ etc. = sunete și mai slab perceptibile
- ˘ = (după consoane) ușoară palatalizare: *dî* „de”, *l'êmnu* „lemn”

ALTE SEMNE

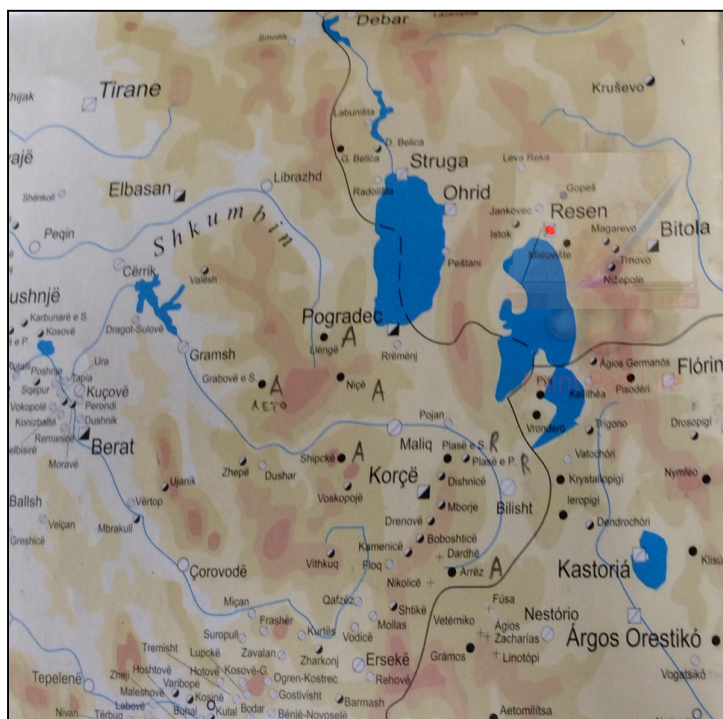
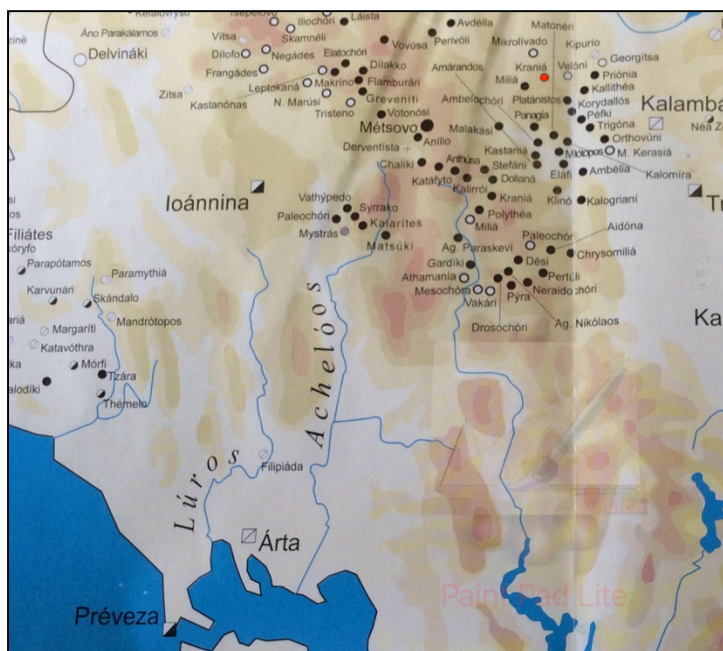
- = (sub litere sau cuvinte) arată că așa s-a rostit (rostire neobișnuită)
- = legătură între cuvinte care formează un singur corp fonetic: *înu_η_cásâ* „vin în casă”
- [ε] (înaintea unui cuvânt) = subiectul a ezitat
- ~ ~ ~ (sub cuvinte) = rostire neclară
- [k] (înaintea unui cuvânt) = subiectul s-a corectat
- [!] (după un cuvânt) = subiectul a râs

GRAIUL FĂRȘEROT

Ş = Fărșeroți șópañ originari din Grecia

P = Fărșeroți plisóť originari din Albania

Приложение 2. Карты регионов Турьи и Ресна (отмечены красным) по [Kahl 2009]

Приложение 3. Анкета для опроса информантов, составленная для экспедиции в г. Ресен, июль 2015

Часть 1. По [Бара и др. 2005]

1. Лексемы, где ожидалось [ts]:

Арумынский ¹⁸	Русский
albe`aṭ/ā, i	белок глаза
an ^u bun ^u – si triṭ`em bun ^u an ^u	<i>взаимное приветствие в первые дни наступившего года</i>
arāṭ`imi	заморозки
armān`eṭ g``ini	<i>слова уходящего при расставании на долгое время</i>
braṭ, ā	плечо
ḑe`adlik <sup>u</sup> , ḑe`adliṭi	палец
dip ṭ`iva	<i>ответ на благодарность</i>
f`aṭā, f`āṭ ⁱ	склон
f`aṭā, fāṭ	лицо
fr`ati, fraṭ	брат
gālbine`aṭā	печень
gl`eṭ ^u , gl``aṭā	лёд
kad k``eṭār	обвал
kārṭān`ak ^u	мост (носа)
kud`iṭ/ā, i	копчик
m`ānikā, m`āniṭ ⁱ	отрог, ответвление от основной горной цепи, рукав реки
m`unti, m`unṭā	гора
ngl``aṭā	покрываться льдом
nip`ot, nip`oṭ	внук
p`ārṭā	крылья носа
rādāṭ`inā	семья
si mi l``eṭā	<i>слова, предваряющие отрицательный ответ собеседника</i>

¹⁸ Через запятую после арумынского слова приводится форма его множественного числа.

sugl`it ^u	икать
șuțit`ur/ā, i	изгиб реки
ț`inur/ā, i	ресницы
tre`ați	течёт
trițe`ari	снежная шапка

2. Лексемы, где ожидалось [dz]

Арумынский	Русский
`apa aspinđur`atā	водопад
arșun`eđ	обидеть
b`uđ/ā, i	губа
b`unā đ`uua	добрый день
bumbune`ađā	греметь (о громе)
đe`ana, đen' <sup>1</sup> // đ`enur ¹	гора
d`indi, dind	зуб
đ`iniri, đinir`ađ ¹	зять
đe`adlik <sup>u</sup> , đe`adliți	палец
đe`anā, i	бровь
đidik`uș	мизинец
đin`ikā // đān`ikā	холм
đin`ukl'/u, i	колени
đind`ii, đind`iï	резина
ğad`e, ģad`ađ	длинная дорога
l`ānđit ^u om ^u	больной человек
liv`ađi, liv`āđ	луг
liv`enđ ^ā	молодые люди
m`arđi/nā, n'	обочина
m`arđinā, m`ārđin'	берег
m`undi, m`unđā	гора
merakl`i, merakl`ađ	старательный
murđe`aua, murđe`ali	зрачок
p`adi, pāđ ¹	равнина, низина
p`undi, punđ	мост
s`ānđi	кровь
si asp`arđi	падать (о граде)
si vā bāne`ađā	слова гостя при наличии в доме новорождённого
simf`ađā, simf`āđ	жёны братьев

sur`o, sur`aḍ	каменный завал
tr`aḍi	дует (о ветре)
tuṣ`āḍ ^u	кашлять
vir`o, vir`aḍ	омут
ḡambr`/o, ḡambrāḍ ⁱ	зять

3. Лексемы, где ожидалось [tʃ]

Арумынский	Русский
b`ukā, b`uči	щека
č`ukā	горный пик
č`um/ā, i	холм
čak ^u , č`akuri	лодыжка
čilim`an ^u	подросток
čor, čo`ari	нога
fič`or	мальчик
muč`ali	мокрый

4. Лексемы, где ожидалось [dʒ]

Арумынский	Русский
bā(r)ḡān`aku, bā(r)ḡān`aṭ	мужья сестёр (относительно друг друга)
ḡ`oni	юноша
ḡad`e, ḡad`aḍ	длинная дорога

5. Лексемы, где ожидалось [tɕ]

Арумынский	Русский
cu`oi, cu`ali	челюсть
k`itr`icā	камушек
m`itkā, m`ici	верх
m`itkā, m`ici	мыс

Часть 2. По [Papahagi 1974]

1. Лексемы, где ожидалось [ts]:

Арумынский	Русский
abrashcu, abrashți	дерзкий
abushilat, abushilaț	четвероногий
acațû	понять
acățare	установка
acățătură	ошибка
aclimat, aclimaț	вызов
acrearcu, acrearți	злой
acrit, acriț	кислый
acshițe	так
acumtinat, acumtinaț	решённый
acupirit, acupiriț	укрытие
adaptu, adapți	связь
adârat, adâraț	готовый
adastat, adâstaț	ожидаемый
adâvgat, adâvgaț	связь
adete, adeț (adeturî)	привычка
adil'eat, adil'eaț	дышащий
adukit, adukiț	разумный
adunat, adunaț	толстый
adurn'it, adurn'iț	сонливый человек
aduțire, aduțiri	подарок
adȕeaforit, adȕeaforiț	бесполезный

aḍyeafurisit, aḍyeafurisiṭ	беспольный человек
aḍic, aḍiṭi	несправедливый
aḍikipsit, aḍikipsiṭ	несправедливый
aḍinat, aḍinaṭ	слабый
aḍinâṭit	повреждённый
aḍuliftu, aḍulifti	лень
afân(i)sit, afân(i)siṭ	разрушенный
afirit, afiriṭ	защищённый
afishcu, afishiṭi	злодей
aflat, aflaṭ	находка
afondut, afonduṭ	бездонный
afrat, afraṭ	свежий, мягкий
afreaṭâ, afreṭ	свежая выпечка
afulit, afuliṭ	неудачник
afumat, afumaṭ	влюблённый
afurisit, afurisiṭ	отлучённый от церкви
agârshit, agârshiṭ	забытый
agudit, agudiṭ	атака
aṭaliṭ	медленно
aṭalnic, aṭalniṭ	смирный
aṭâl'isit, aṭâl'isiṭ	пропавший
aṭimtu, aṭimṭi	святой
aṭisit, aṭisiṭ	святой
aṭizmat, aṭizmaṭ	сбор винограда

2. Лексемы, где ожидалось [dz]

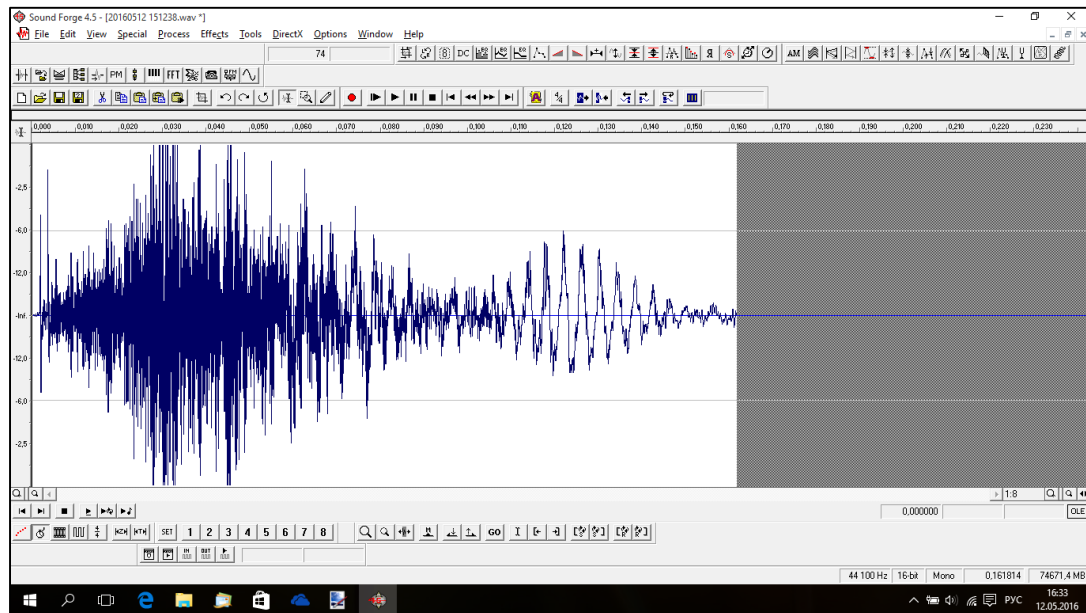
Арумынский	Русский
abureḑû	помнить
abushileḑû	ходить на четырёх ногах
acreḑû	раздражение
acriḑa, acriḑ	кузнечик
acriḑo, acriḑaḑ	тайна
acuvînteḑû	говорить
aḑ, aḑâ, aḑî	сегодня
aḑîmâ, aḑîme	бездрожжевой
afânizmo, afânizmaḑ	разрушение
afendi, afenḑi	отец, наставник
afindaḑ	господа
afîndico, afîndicaḑ	наставник
afurizmo, afurizmaḑ	анафема
aḡeazmo, aḡeazmaḑ	святая вода
aḡeazmu, aḡeazmaḑ	мята

3. Лексемы, в которых ожидалось [tʃ]

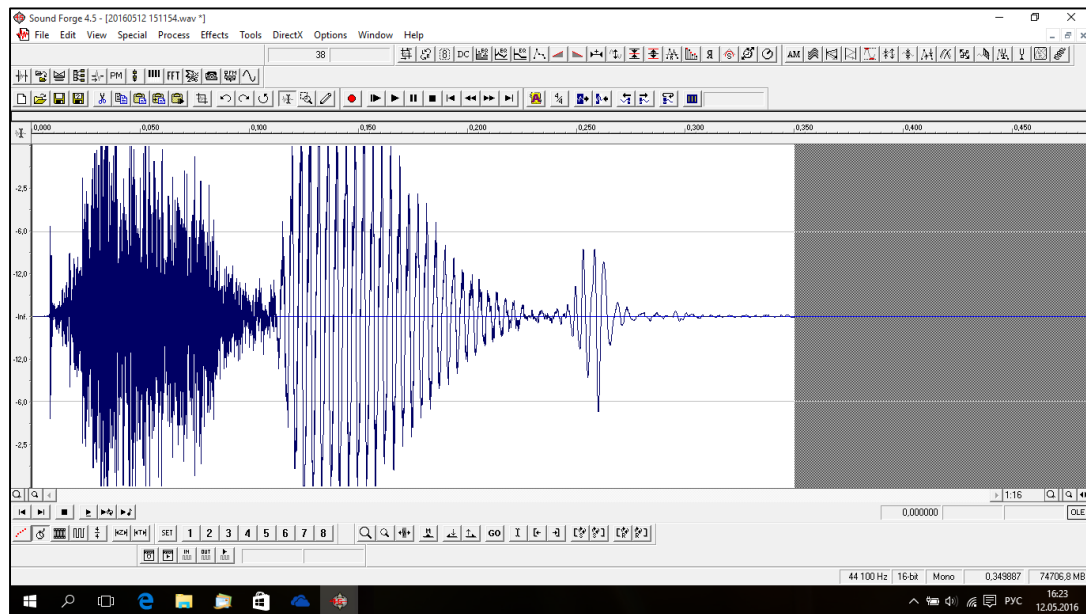
Арумынский	Русский
aḡizmaḑḑîun	сентябрь

Приложение 4. Скриншоты программ Sound Forge и Speech Analyzer

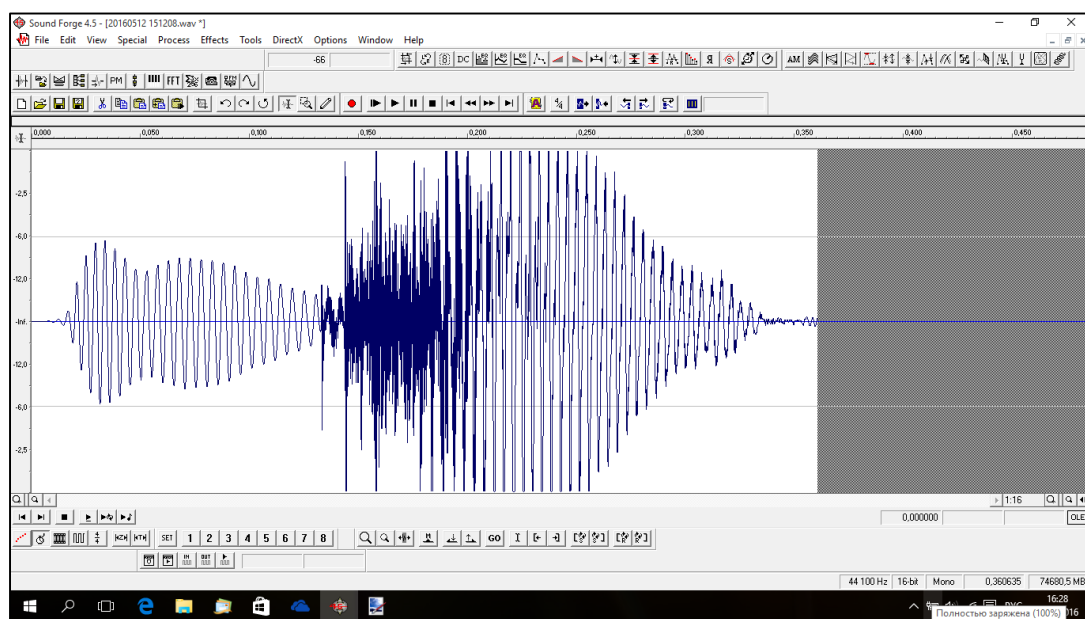
1. Sound Forge

[ts]. Длительность смычки – ~ 90 мс, фрикции – ~ 70 мс.

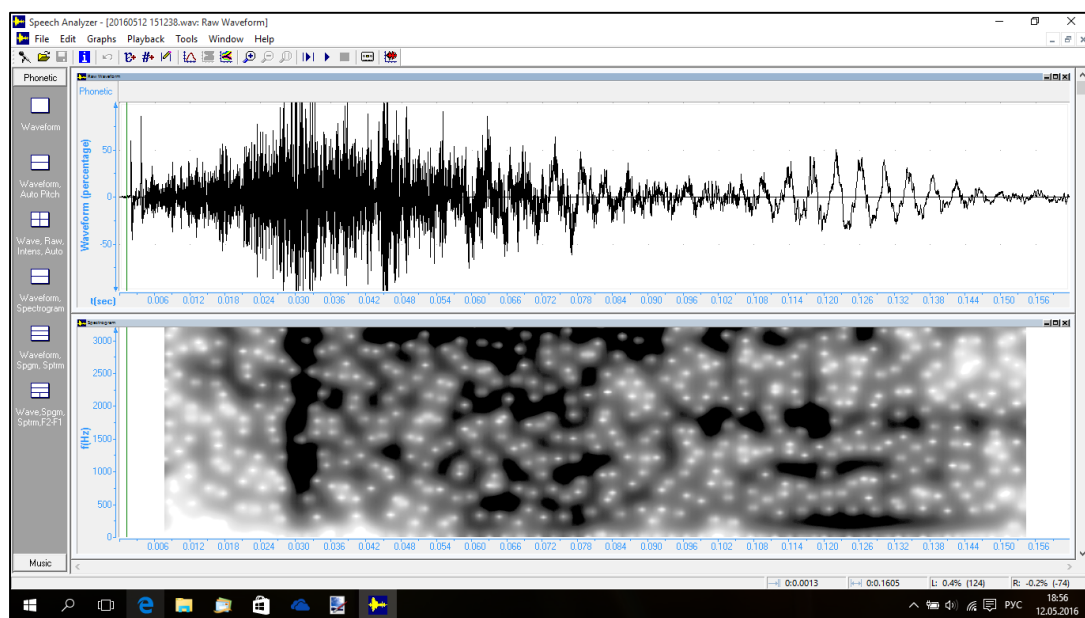

[tf]. Длительность смычки – ~ 115 мс, фрикции – ~ 185 мс.

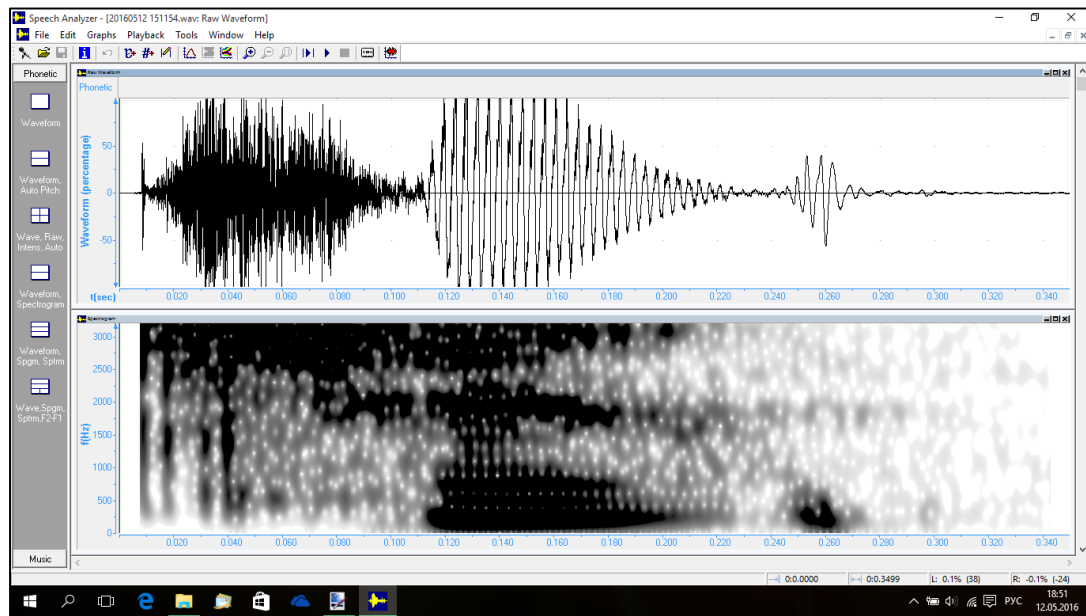

[dʒ]. Длительность смычки – ~ 140 мс, фрикции – ~ 200 мс.

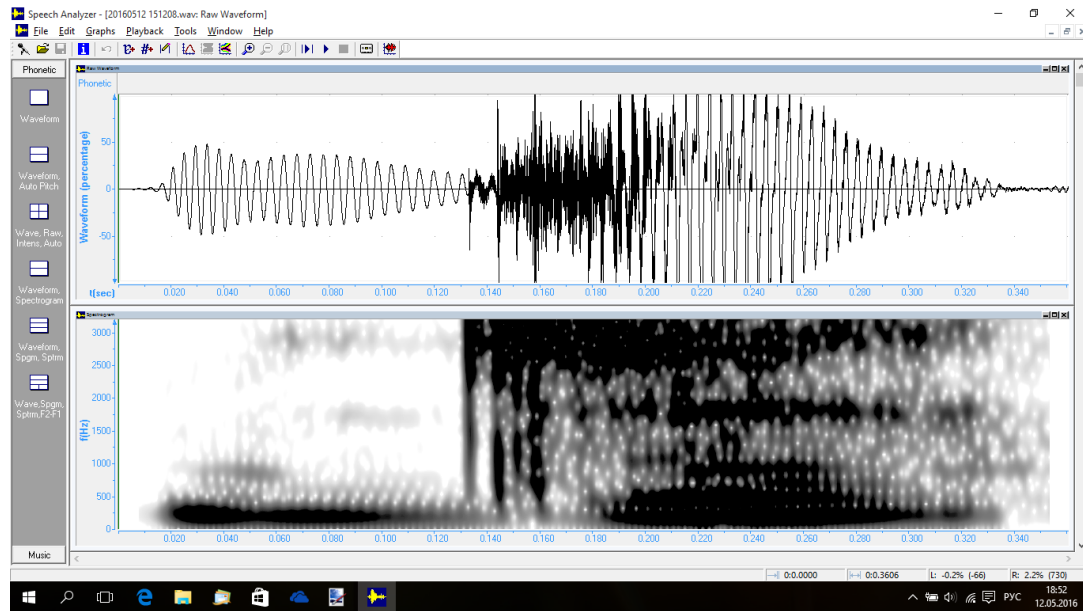
2. Speech Analyzer

[ts]

[t]

[d3]

**Приложение 5. Рукописные переводы с македонского на арумынский,
выполненные В. Андоновски**

се сековаш	—	ми дукиј	септембар	—	септембару
свакаш	—	акик'сеску	трешка	—	алаиус
зборуваш	—	збур'шчи	очок	—	сунфл'
денес	—	аз	бразам	—	агунусеску
бесквасни	—	фр' хвасец	слези	—	диди'ије
свежо пециво	—	шазес хифл'			
толска	—	шанар'а			
септембар	—	септембару			
трешка	—	алаиус			
сало	—	уенг'			
швица	—	си'сирин'			
глава	—	каш			
чело	—	к'и			
се сековаш	—	ми дукиј			
свакаш	—	акик'сеску			
зборуваш	—	збур'шчи			
денес	—	аз			
бесквасни	—	фр' хвасец			
свежо пециво	—	шазес хифл'			
толска	—	шанар'а			

Приложение 6. Транскрипции монологов

В выполненной нами фонетической транскрипции знаком _ обозначается пауза, знаком : – долгота.

1. А. Писсони (Турья)

а) Фонетическая транскрипция А. В. Харламовой

[dz'e:av'id'eīunadovan'_mafe_d'z'urt's'urt's'urt's'urt's'urt's'urnoptətut_dzondr
aganavas'ivadip_dzon_dipteiva_daīupis't'evunaīt's'au_purzəfh'īā_us'amfərumənesti_u
īkəīaustuɸarmənes't's'i_ut's'amzərəvintɛask_daīudaīudaīudaī_vərnərzaīdidzəl'atkamh'a
mh'imn'amahəmsuləngəs_vz'eturanun_nulovio_alazaz'a_ɸnikəundanothroa't's'i_duz'idi
ɸnikə_di:ɣeyonos_tosiamað_duz'as'orɸnikə_tɸəɸs'edrə_ðemunt's'iz'adrə_nədzəs'ie_mbī
arisat's'ambl'arisakutudzinesu_zət's'ein_ore:mariīazəs'azoakrəmei_nulaslivadeameaɸut
əīatsauaīadəs'əkə:aveatsueīdəs'avirskaiavezituti_iaɸulomdin'akasəsakram'azətəoy'ory'i
_eīndzəs'i_kosadofulaɸtəl'ems'aml'vað'_ɸutəl'em_u:təl'eamb_noīutəl'emialtubəgəmal'tu
bəgəm_deutəl'e_sbərban'urlorala:lukrukukai:fəs'ənīevəīen'dziɸtorn'il'ivada_ɸə_bal'igə
mɸkan'ianət's'aməkas_g'inidzəsə_meduzokloīt's'i_laul'em_ma:ntrumənəio_ɸoatpərətea
ramɸəstan'atam'aramba_maīka_dytorə_bəgaīɸtornulivad'ə_tsət's'a_kumfateipisalatɸoari
mum'au_m'aum'au_nuvid'ems'iva_ɸədeambroastrənugər'a_eī_indaus'adunam'arba_tui
h'_a:_ɣ'inibərbaniukloitsə_īodīaraunəmbīaridipərnapərtidyidim'inəvegərdin_ɸə:nəsəpə
rəɣus'akum'inīom'ipərəɣus'amkunəsə_lukurlodram_idz'ebəgams'adun'aba_m'aum'au_n
uɣ'inatutɸoai_snunaudamteivadipmun_nudəkīt's'anu:nuvid'amteiva_m'aum'aum'aum'a
_ɣ'ory'eīzəɸaubərban'u_īofudzəɸkət's'aī_lað'eman'yanuɸəd'ətsəɸ_auasundaraīzəɸ_kəs'ar
kundəs'indarezəz'itakətsal'ananunvehedaluku_torvəv'irz'īɸə_bəgəmənazəɸuɸtor'in'itsəɸ
_naīen_təīagaɸtarvətinitəɸ_lotəīagaīel'is'ylatəīagalatɸoar'im'aum'ə_agud'atsiuz'agudas
kət's'ivadip_dal'y_kad'z'ivadip_pomum_ad'is'ivəz'y_bin'ys'ivədz'imdipunəɣ'inizaz'amb

l'ar'_zət's'eia:lund'eastəiaraprotikusuril'ibərbasuku:sotʃin_aidəmveastəzəs'i_ïoverəmpə
rəyur'ilatin'izəsi_ïuruv'am_kumbarəʃokumbar'səra_kumbararəʃ_iukumbaulastamən'ə_
kumbarəra_ʃəðət's'i:_ïozət's'i:γ'in'azus'avunʃin'akaspintul'apras'ilatʃoar'izəsi_nəm'arud
enedit's'avalas'virturlidas'a_kutr'epatroain'_ud'adəmnəkaveadus'ikəsuzng'oset's'adus'is
oakrəm'aidzəs'_mar'ianuzəs'inul'bəgaʃteamzəs'i_tusərəndarzəs'iməlbəgaʃv'amzət's'i_e:
s'iadars'ivahərbun'izət's'afəʃəʃənv'astam'azəs'i_təiv'asam'auv'idzuiʃodvət's'iv'idzury'ory'
iv'idzumtuts_zəs'ibəkalodraimərmariialodraïdzəs'inəsə_multusəʃk'iftəkoaslodraimərm
ariïazəs'ilodraïala_t's'iaʃtənuʃ't'y_sïo_ulə_kəpərl'ifitʃorlum'y_d'ipət_tes'erapən'd'yhro
n'_unzəʒ_zəs'astud'ipup'edət's'ind'z'am_patrut'ind'z'aï_dus'ifitʃorlum'y_t's'al'inə_prum
pum_dalər_na_toa_tuhtatugəvəd'altəʃməgəkəpərl'imbad'_it's'idət's'a:h'irs'is'izg'il'ashət'
s'apərsal't's'analtu_uvid'at's'ivafitʃor_m'is'akutakutəporlum'aum'a_apərt's'aïʃtupərapərt'
s'aïʃtʃual'apərt's'as'itutiskvalufud'z'iy'ina_baba:zus'i_dut'aduna_ual'ik'iïonəmidutdət's'i
kət's'e_əʒəʃəʃəeastam_duas'ifitʃorlukuail'i:_dozifitʃorlukuaili_duzital'ivad'alor_s'akəts
əʃiʃtəʃkrəngən'est'isərtsən'eʃt'il'amn'i_ʃəfrəngəʃiah'ers'im'aum'aum'au_pərs'ast's'ijəïland
on'ladut's'ijladut's'ilam'ir'its_ïesta_nəpuhətsan']

б) Фонематическая транскрипция М. Бара

ʃi ɪar'a? v'in'i unu la dāv'ani. aʃ'iia „ʃi'uru, ʃi'uru, ʃi'uru, ʃi'uru, ʃi'uru, ʃi'uru, ʃi'uru“,
no'aptea t'utā. ɖ'ua āndre'agā nu-ave'a ʃiv'a dipu. ɖ'ua dipu ʃiv'a. dā-l'u pist'evu, noi
ʃe'am prusifh'iia. u ʃe'amu, ʃ-pi aromun'eʃti, kā ɪo u ʃt'iu ʃ-aromun'eʃti, u ʃe'amu ʃ-
gārʃe'askā. dā-l'u, dā-l'u, dā-l'u, dā-l'u, v'ārnā ɖaʃ di ɖ'āli. ark'ām ʃ-θh'amā θin'amā,
θh'amā nsusu, ng'osu fɖi t'ora. nu:... nu lu-av'emu. al'asā aʃe'a.

si-nik'ā unu de-an'ostru au'aʃi. d'usi di si-nik'ā, γ'eγon'os! [...] tu θi'am 'apā. d'usi
aʃi'olu si-nik'ā si-adr'ā δ'emun, ʃi si-adr'ā?! nā ɖ'āsi mbl'ari..., aʃe'a mbl'ari-sa ku tutu
ɖ'inir-su. ɖ'āʃi „ore mar'ie, ɖ'āsi a so'akrā-meai, nu lu'aʃ liv'adea me'a ʃ-u tāl'aʃ au'aia,
ɖ'āʃi, kā av'eʃ 'oi, av'eʃ kal', av'eʃ di t'uti“. e ʃ-u lomu. v'in'i ak'asā so'akrā-mea ʃ-ɖ'āʃi „o
γ'ory'i, ān' ɖ'āsi k'osta daf'ula ś-tāl'emu θh'amā liv'adea“. ʃ-u tāl'emu. n'oi u tāl'emu
i 'altu bāg'āmu? 'altu bāg'āmu di u tāl'e. ʃ-bārb'a-n'u lu-ar'a la l'ukru ku k'a:l'i ān' f'aʃi a

n'eia „va γ'in', d'āṭi, si t'orn'i liv'adea šā va lig'āmu š-k'al'i, va nā nṭemu ak'asā.“ „g'ini!“ dāṣu iō. mi duṣu akl'oṭi, lo'ai unu l'emnu m'ari tru m'ānā iō, aṣi au'a apro'apea, iar'am šā sta n'ata, nu iar'amu ba..., m'aikā di t'ora, bāg'ai si-t'ornu liv'adea, fāṭe'a kumu f'āṭi p'isa la čo'ari „m'iu, me'au, me'au, me'au“. nu vide'amu ṭiv'a. šāde'am āmbro'astā nu gāre'a, intr'amu śi-adun'āmu i'arba, tu 'iḏy'u. γ'ini bārb'a-n'u akl'oṭi. iō, iar'a 'unā mbl'ari di pr-an'aparti di m... di m'ini, ave'a gārd'inā. šā n'āsā si-pārāyurse'a ku m'ini, iō mi pārāyurse'amu ku n'āsā. l'ukru nu-adr'amu. 'iṭi bāg'amu še-ad'unu i'arba „me'au, me'au“, ān' γ'ine'a tu čo'ari. š-nu mi-ave'am ṭiv'a dipu, nu... nu duk'ii ṭi, nu... nu vide'am ṭiv'a dipu. „me'au, me'au, me'au, me'au“. „γ'ory'e, āl' dāṣu a bārb'a-n'ui, iō fugu“ dāṣu. „kāṭ'e?“ „la ḏ'emun' au'a, nu šādu iō!“ dāṣu. „au'a sunu dar'aṭi“ l' dāṣu. „kāṭ'e? kumu de sunu dar'aṭi? te-akāṭ'ā le'anea de nu vr'ei si-ad'ari l'ukru?“ „t'ora v'ai veḏ, āl' dāṣu iō, b'agā m'āna au'a dāṣu s-t'orn'i dāṣu. na tuī'aga š-to'arnā t'ini“, dāṣu iō. u lo tuī'aga ielu. 'iṭi u lo tuī'aga, la čo'ari „me'au, me'au“. agude'a! iū si-agude'askā? ṭiv'a dipu. dā-l'u. kan ṭiv'a d'ipu: m. „aide si fḏ'imu!“ v'inimu si fḏimu, d'ipu noi γ'ini š-aṭi'a mbl'ari. d'āṭi „a ānve'astā!“ iar'a pr'oti kusur'ini, bārb'a-su ku so'akrā-mea. „aide ānve'astā, d'āṭi, iō ave'am pārāyur'ii la t'ini, d'āṭi, iō lu-ave'amu kumb'aru, ši... kumb'aru ear'a? kumb'aru ear'a. iē, kumb'aru di la st'anan'i, kumb'aru ear'a, š-i'o, d'āṭi, iō, d'āṭi, ān' γ'ine'a unu š-n'-ark'a śp'irturi apre'asi la čo'ari, d'āṭi. ne me-arāde'a, ne de ṭāv'a [...]“.

ku tre, p'atru an' u de'adimu noi ka ḏi'aḏosi ka nsusu ng'osu aṭe'a. si-d'usi so'akrā-mea, l'-d'āṣ, „mor γ'ano, d'āṭi, nu-lu bāg'aṣ ṭh'amu, d'āṭi, tu sārānd'aru, d'āṭi, nu-lu bāg'aṣ ṭh'amu, d'āṭi, s-l'-ad'ari ṭiv'a hāri b'uni, d'āṭi. aṣ'ā š-aṣ'ā ānve'asta a me'a“, d'āṭi. „ṭi nve'asta me'a? u viḏ'ui š-iō, viḏ'u š-γ'ory'i. viḏ'um tuṭ“. d'āṭi „lu adr'ai mor mar'ie, lu-adr'ai“, d'āṣi n'āsā, m'ultu ṭrisk'eftiko'asā, „lu adr'ai mor mar'ie, lu-adr'ai“, d'āṭi „al'a ṭi i'asti nu ṣt'iu“ d'āṭi.

l'a k'āpārli fič'orlu a m'eu d'ipu t'esera, p'ende hr'onía, dāṣ grāṭe'askā, d'ipu pe... di ṭinṭ an', d'ipu p'atru, ṭinṭi an' d'usi fič'orlu a m'eu, si-al'inā pri-'unu pomu de-a loru, ā? tak-t'uk, tak-t'uk, agude'a ta si-m'āngā k'āpārli mb'adi. 'iṭi de-aṭi'a, ah'urs'i: sā zg'ile'askā aṭe'a prā s'alṭā an'altu. nu vide'a ṭiv'a fič'orlu. 'iṭi agude'a ku tāp'orlu „me'au, me'au“. apārāṭe'aṣti tāp'orlu, apārāṭe'aṣti š-'oili, apārāṭe'aṣti t'uti, sko'alā, fuḏi, γ'ini au'a. „bab'a, d'āṭi, d'u-ti ad'unā 'oili kā iō nu mi duku, d'āṭi, kāṭ'e aṣ'ā š-aṣ'ā“. [...] 'estan d'usi fič'orlu ku 'oili: d'usi fič'orlu ku 'oili, d'usi tu liv'adea a loru š-akāṭ'ā aṭ'iīa s-fr'āngā n'eṣti s'alṭā, n'eṣti le'amni, s-li fr'āngā aṣ'iīa, ah'urs'i „me'au, me'au, me'au, me'au“. pārāṭe'aṣti š-'oili and'oni, le-ad'uṭi š-le-ad'uṭi la amir'id. 'estan, d'ipu ah'āṭ an'.

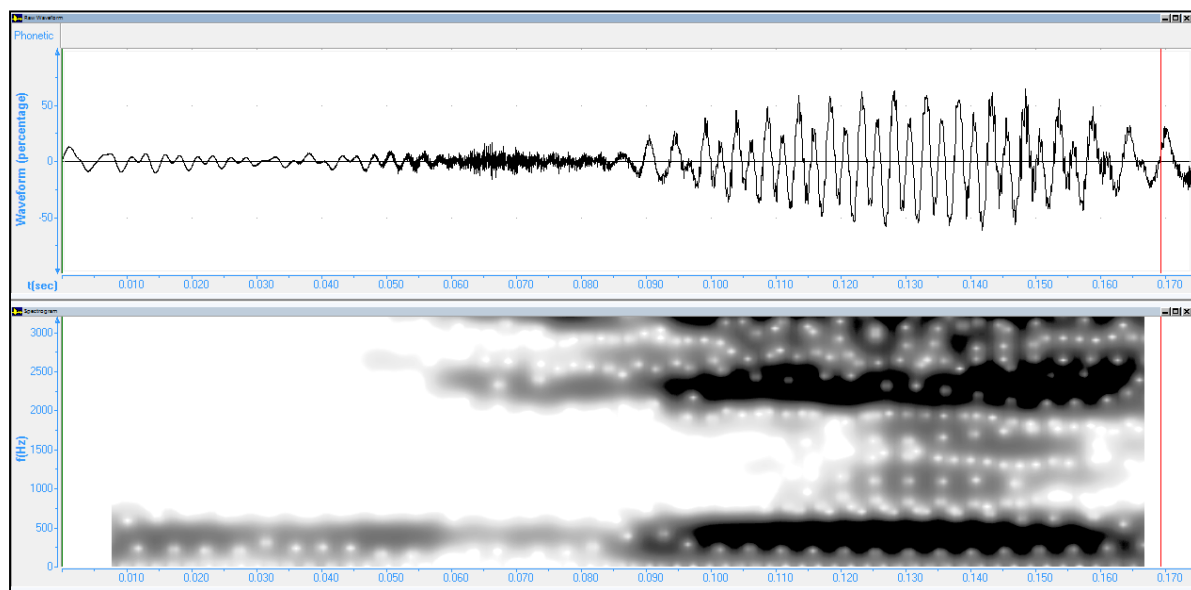

2. В. Андоновска (Ресен)

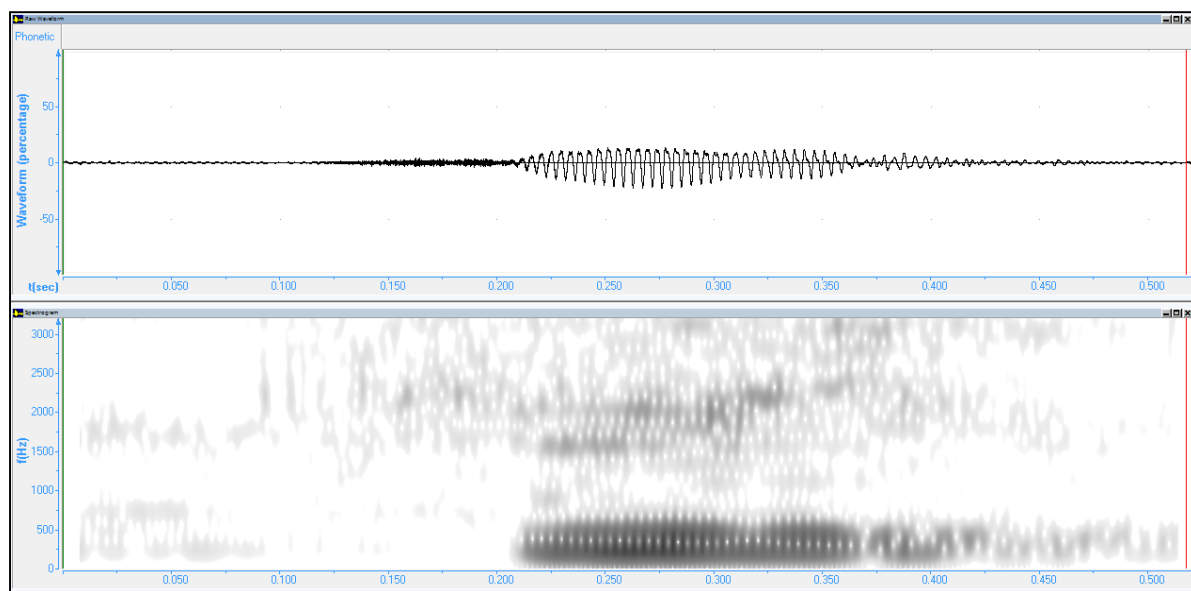
[dal'ivərnu_dəaistekərtsə_aīg'īulus'itə_da_omīulus'itə_aistəkatənk'is'isəg'yru
sə_kəamanuab'it'is'i_tutəaistekərtsəvl'emg'evus'itə_punul_ndetsiāaveskr'iatə_katə
tianostrə_porə_d'imahorə:_tsətetehodhə_dadarazb'irama_razb'irate_unorə_ovi
pl'ivuitə_ispl'ivan_pl'ivuitə_unorəor'ip'yitəbalta_zaezerotobalta_ase
raīogūvusemunək_arte_ə:fičorluuntər'ibə_potel'iturasn'eg_dada_maīkatəznačidada
domaḡnaīezadomeḡna_seə_domaḡna_tsə_tsəīast'is_et'imə_dal'iuskr'iaḡ_n'
inteniḡ'amub'it'is'iī_tudaol'eub'it'is'iī_n'ingaseraoveab'it'is'itə_kaman'
intenədēdnədēde_plata_tətula_avekaməpradz_kama_multeor_akumpraml'
etl'emturl'id'ilululukrə_lukre_aseradzuatutəakompramdurūt'in'tia_nlunəl'
muntreīsamos'iakumpiraīaistə_mutressamut's'iukumpiraīaistə_etatutəlukə
ralukrəamt'yd'ytean'i_vindeml'inl'emturl'id'ilukrə_t'eh'inavindui
aunontrek'il'e_samotsivinduīd_zum'itatak'il'e_kilə_ahətmultuputenomv'
id_ah_ahət_multuput'ən'nomv'indutə_nuamv'i_ndutə_anostrukəsəbəīaste
_tuun_unənirīeḡnausute_st's'indzədz_anostrukəsəbəīemultuv_ek'l'u_tur'
imskuld'ik'iro_e_ur'imskod'ək'iroe_adrat_odraddogor'piḡəm_vərnununḡ
čīek_aīkəndu_kəndu_e:_adrat_luarə_kaiīekəlduimatosnovenο_e_adratəl
uareadratə_adra:təl_uare_tsīḡḡitəīaistəkarte_uor'iskr'iatə_umd'ianostrə
horə_samot's'i:str'īaīkartəamelufrat_ə_dal'īēakasə_atasor_nuīēakasə
tora_k'ij'itae_atasor'eturnatə]

Приложение 7. Спектрограммы и осциллограммы слов, содержащих аффрикаты

1. [ts]/[t's']

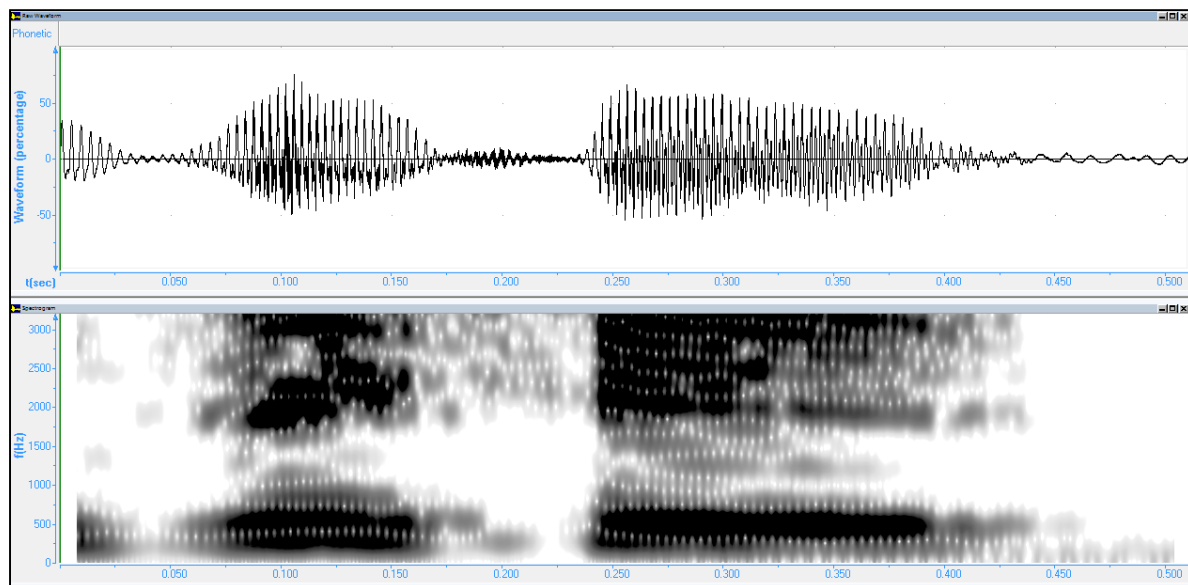

ti [t's'i] 'что' (Турья)

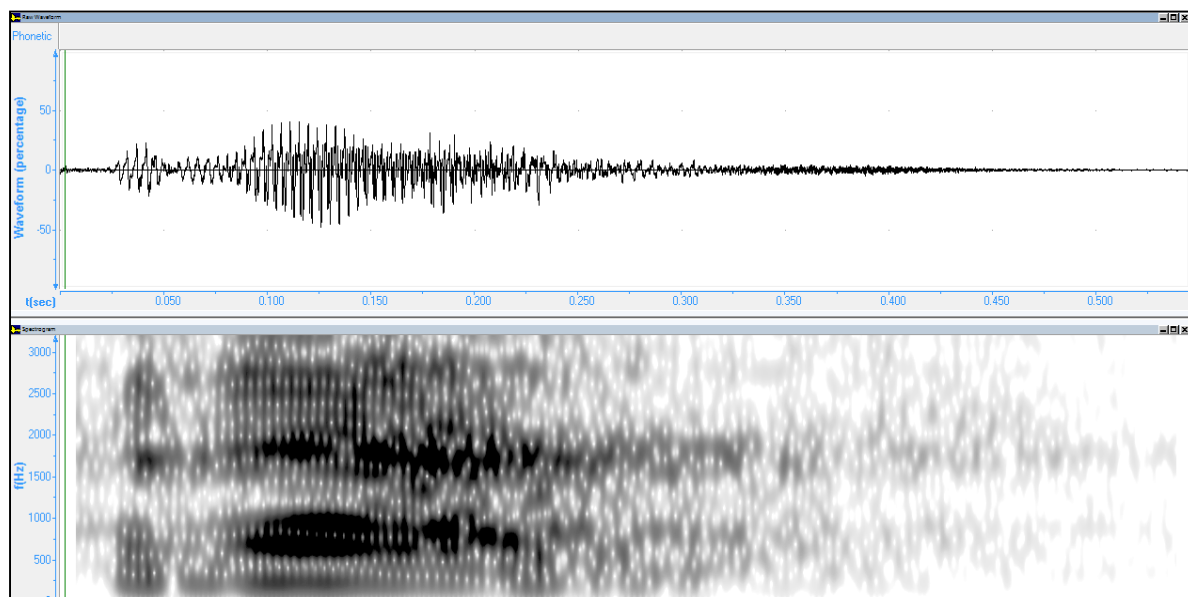

ti [tsə] 'что' (Ресен)

2. [dz] / [d'z']

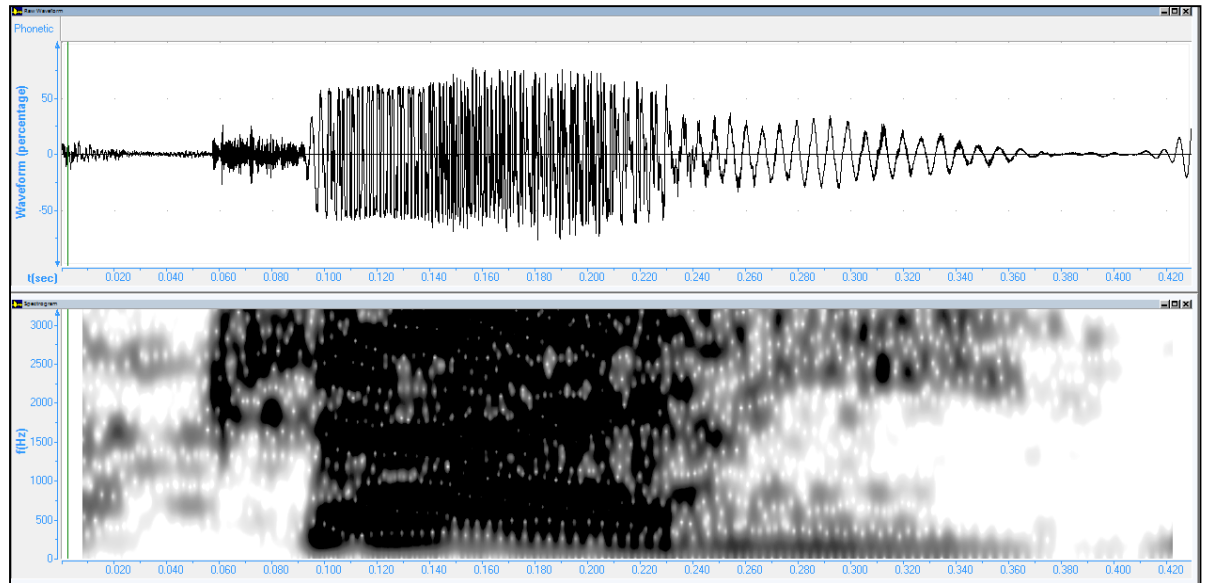

qāsi [dzəsi] 'сказал' (Турья)

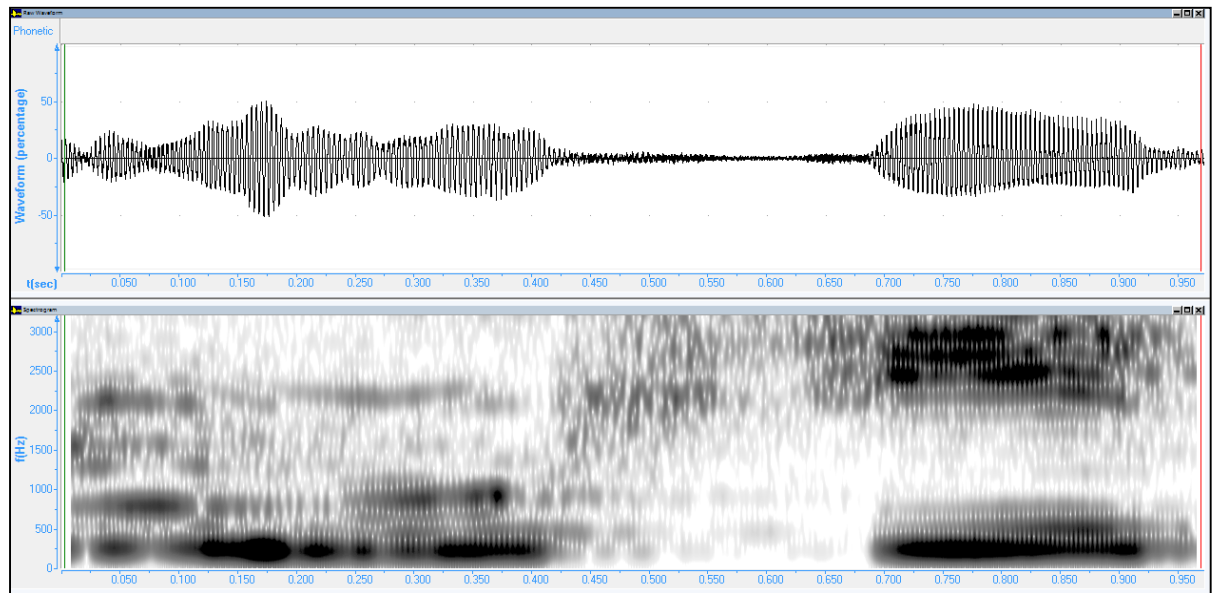

praḡ [pradz] 'грабит' (Ресен)

3. [tʃ]

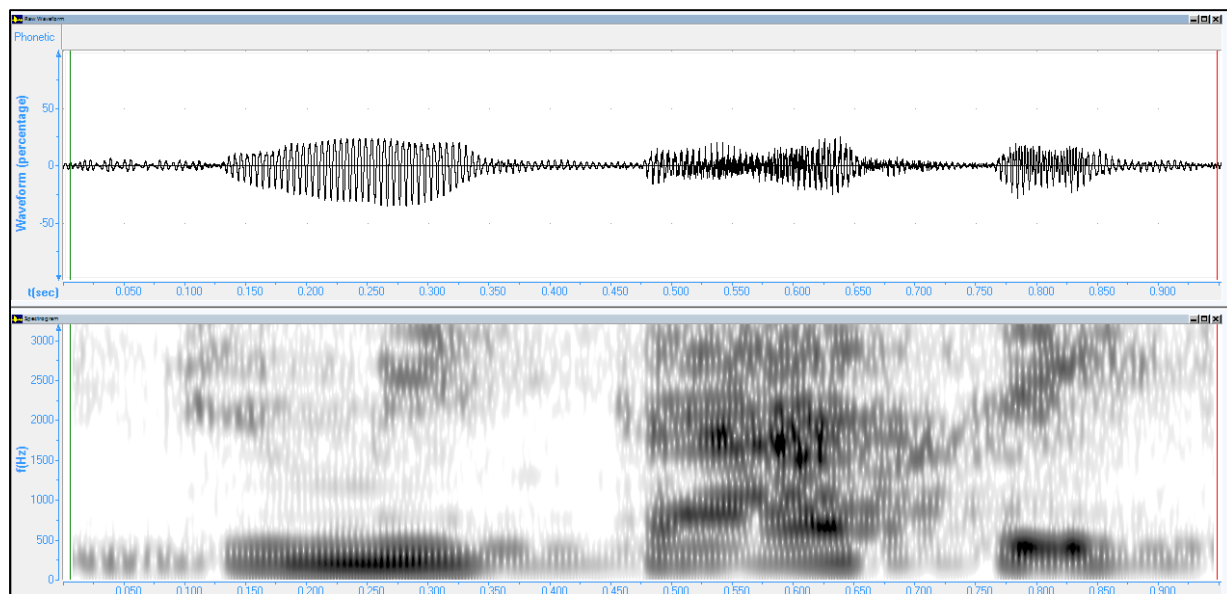

čoari [tʃa:ri] ‘нога’ (Турья)

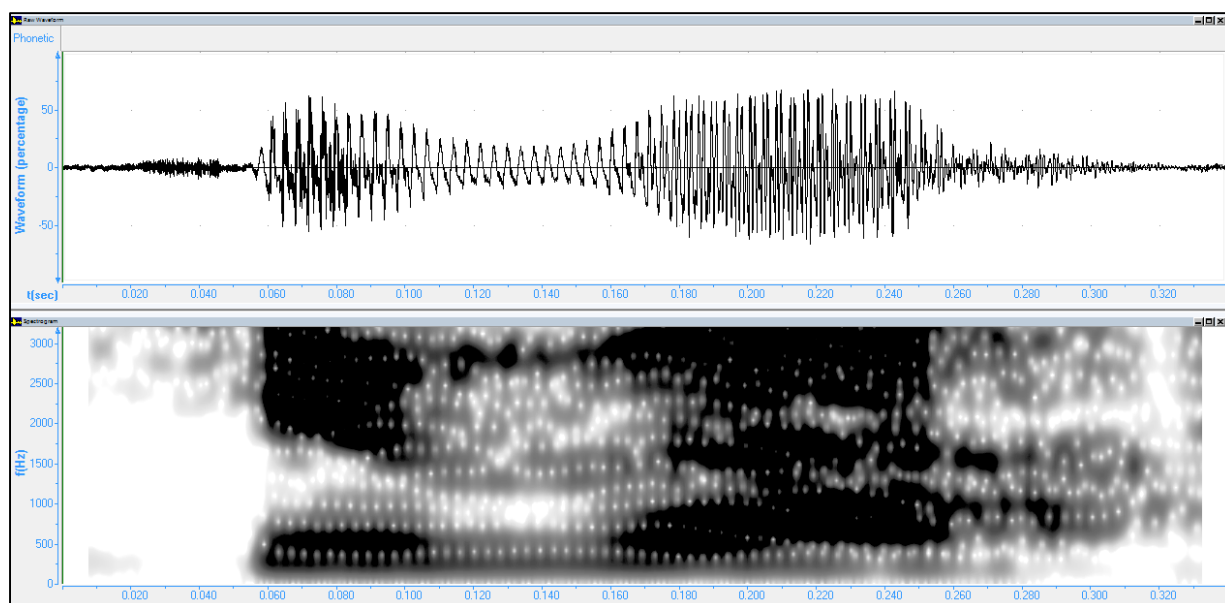
nu şcie [ununʃtʃije] ‘не знает’ (Ресен)

4. [dʒ]

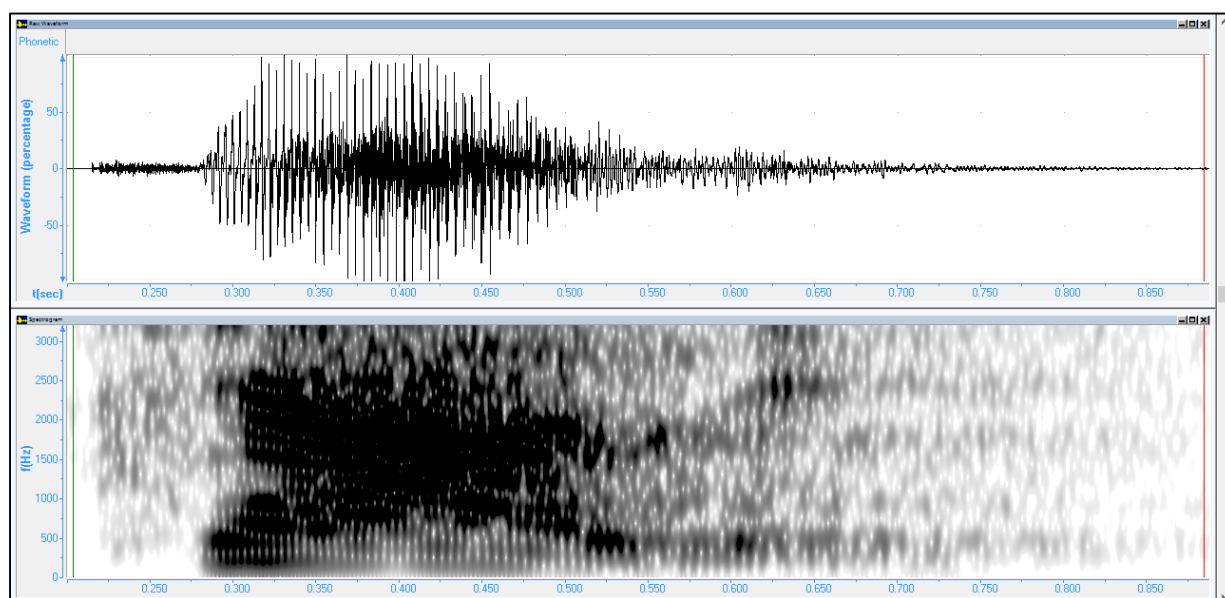

ḡumitatā [dʒum'itatə] ‘половина’ (Ресен)

5. [tɕ]

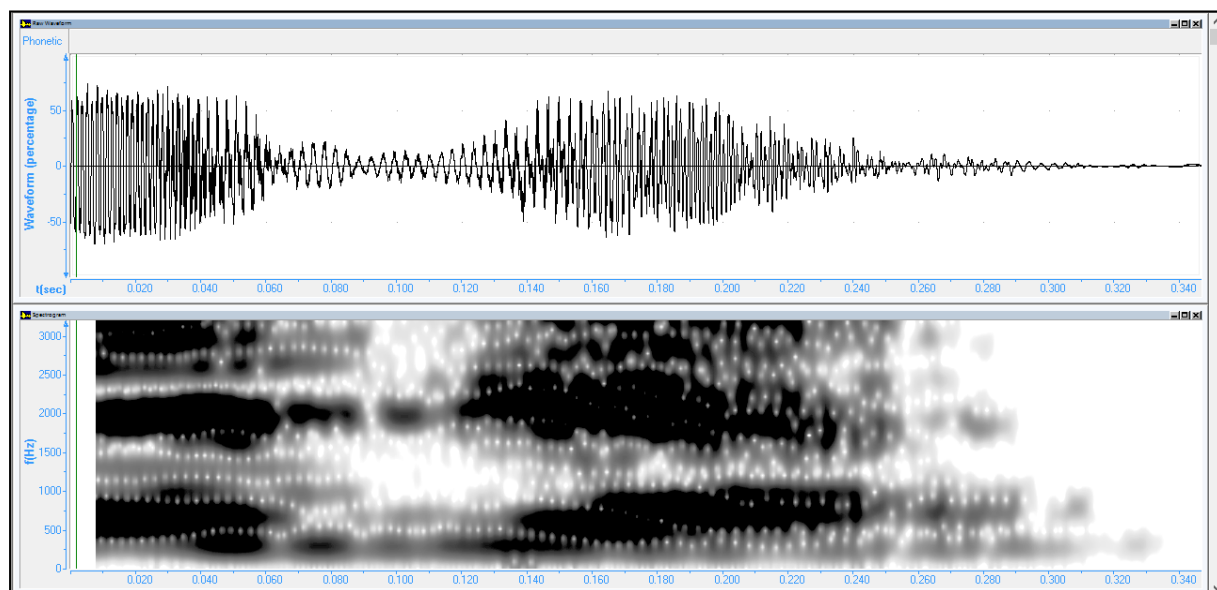
ʈiva [tɕiva] ‘что-то’ (Турья)

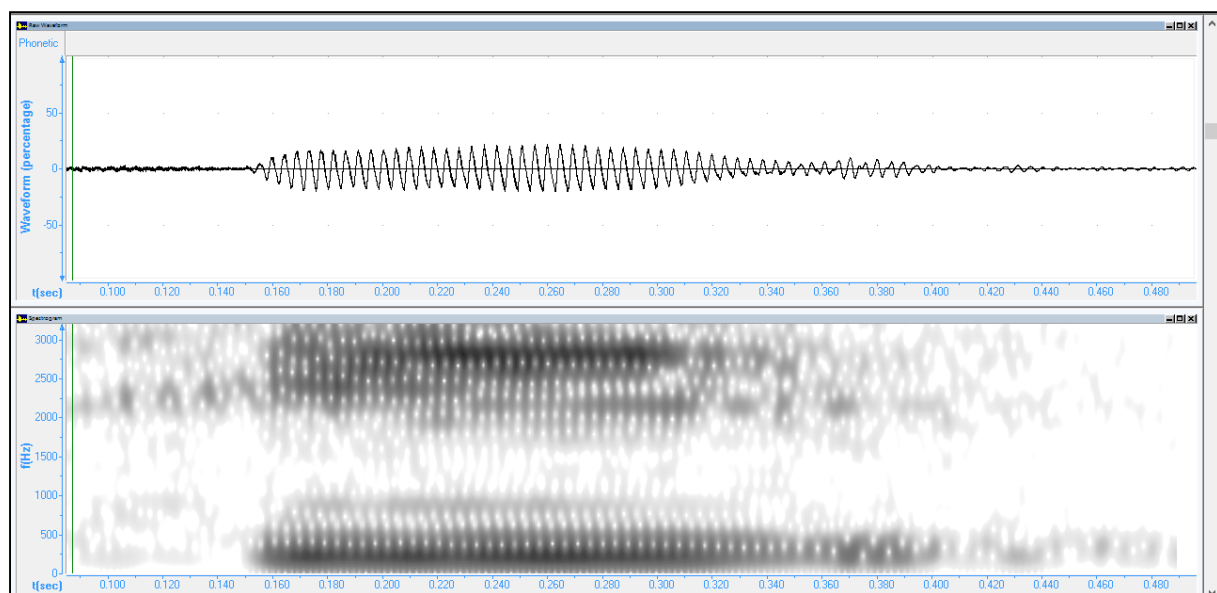
ɕali [tɕali] ‘кожа’ (Ресен)

*Приложение 8. Спектрограммы, осциллограммы и транскрипции слов
с выпадением или ослаблением смычки аффрикаты*

1. [ts] → [z]/[s]

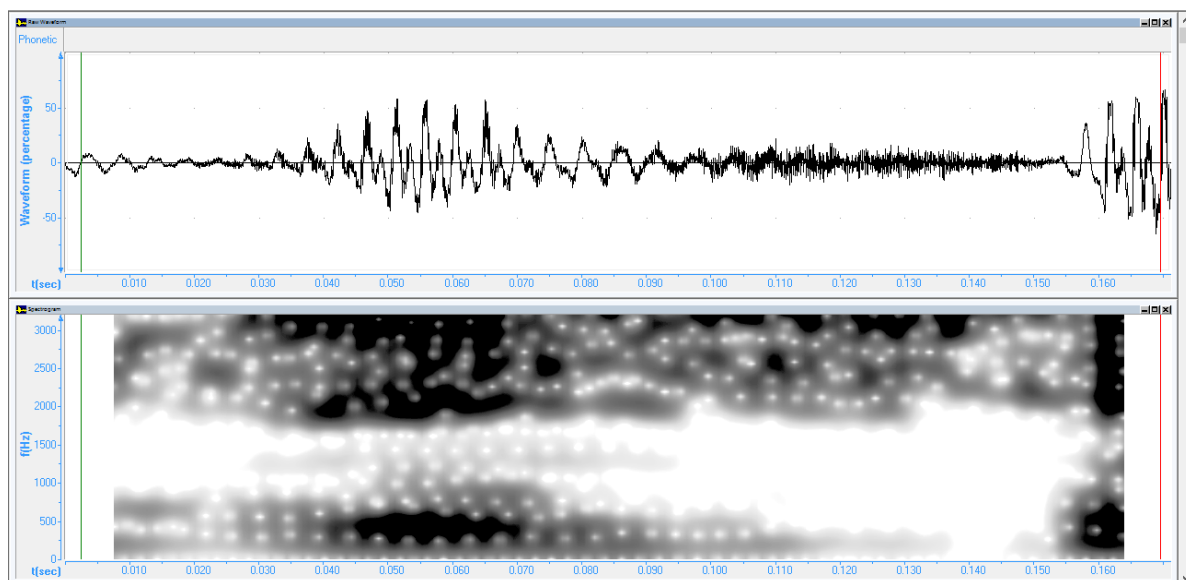

aʒea [az'a] ‘эта’ (Турья)

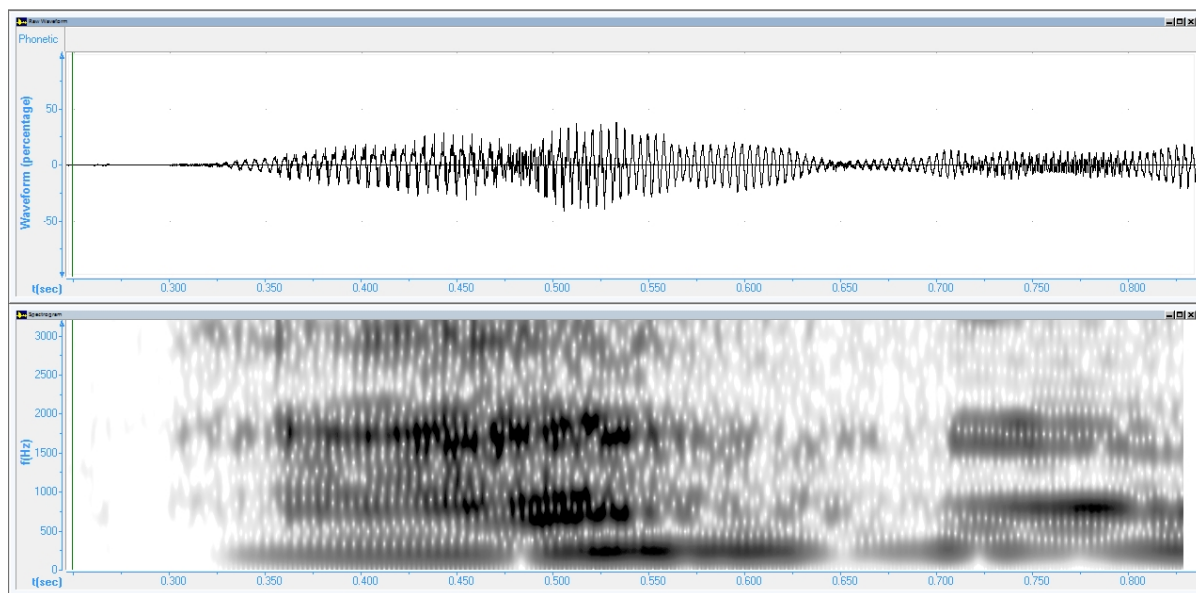

ti [si] ‘что’ (Ресен)

2. [dz] → [z]

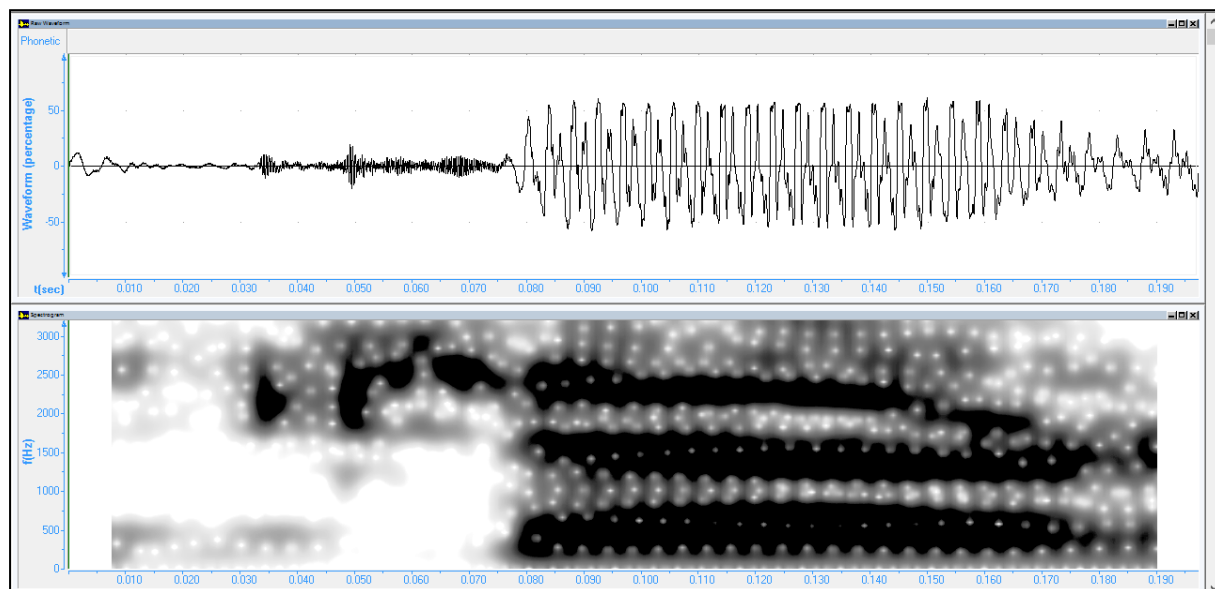
qāsi [zəs'] 'сказал' (Турья)

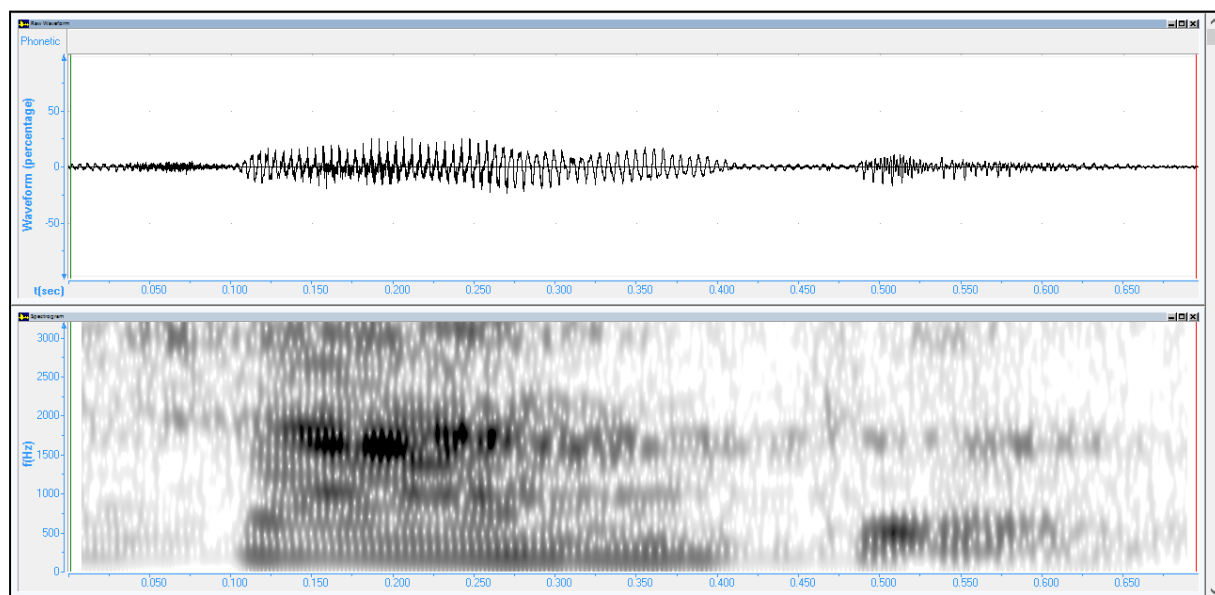
aḡ [azə] 'сегодня' (Ресен)

3. Ослабление смычки в [tʃ]

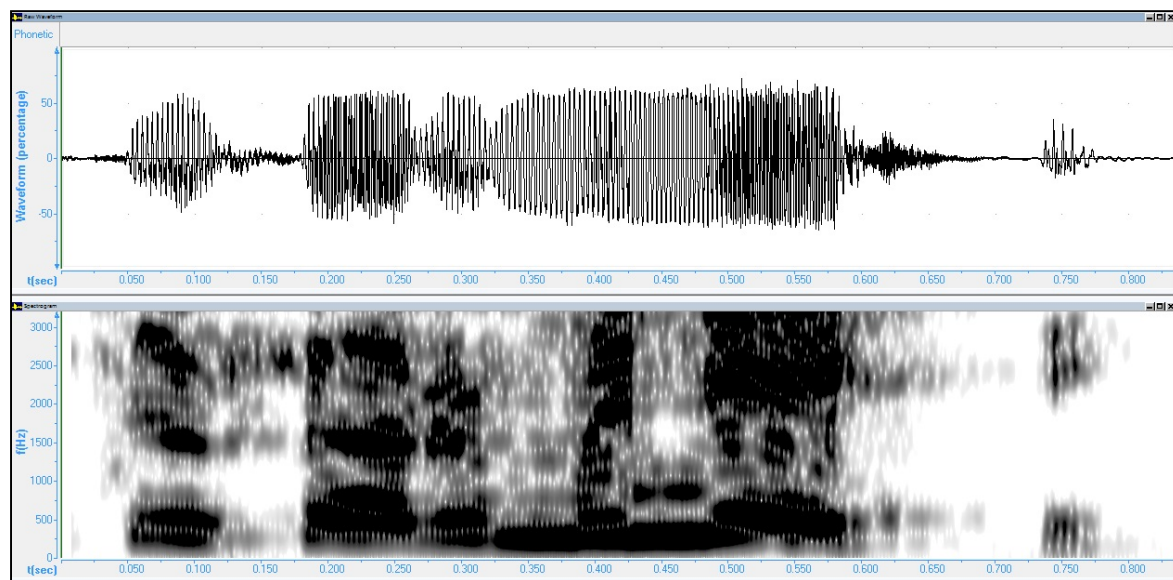

[fɨ]ʃor[lu] [tʃor] ‘мальчик’ (Турья)

ʃante [tʃantə] ‘сумка’ (Ресен)

*Приложение 9. Спектрограмма, осциллограмма и транскрипция слова
с аффрикацией /t/*

aromunești [armənes'ts'i] 'арумынский' (Турья)